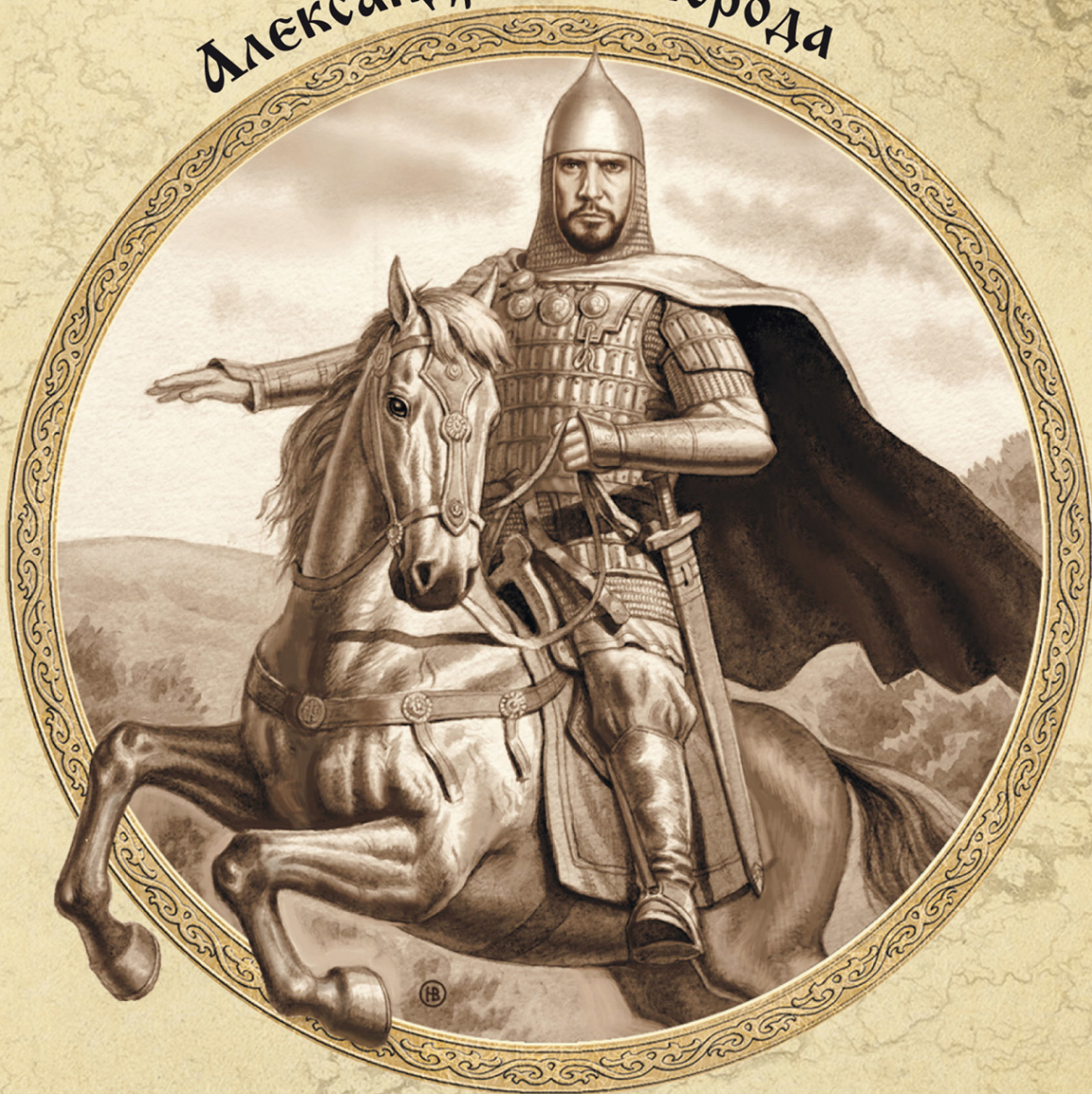

У истоков Руси

Александр Майборода

Степной удел
Мстислава

У истоков Руси

Александр Майборода
Степной удел Мстислава

«ВЕЧЕ»

2020

Майборода А. Д.

Степной удел Мстислава / А. Д. Майборода — «ВЕЧЕ»,
2020 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8373-8

Мстислав, сын Владимира Святого, ещё мальчиком отправленный прочь из Киева в далёкую Тмутаракань, повзрослел и возмужал. Теперь он – полновластный хозяин Тмутаракани, которая дана ему в удел, а после войны с касогами, когда Мстислав в честном единоборстве одолел их предводителя Редедю, уже всем ясно, что из мальчика вырос достойный воин и князь. Мстислав не только удал, но и разумен, поэтому стремится не вмешиваться в братоубийственную войну, начавшуюся после смерти отца. Незачем тмутараканскому князю участвовать в грызне за престол киевский, но ничего не поделаешь, если один из братьев решил-таки помериться силой с Мстиславом... Эта книга является продолжением романа «Мстислав Храбрый», ранее опубликованного в этой же серии.

ISBN 978-5-4484-8373-8

© Майборода А. Д., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1. Стратег	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	52
Глава 18	54
Глава 19	55
Глава 20	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Дмитриевич Майборода

Степной удел Мстислава

Роман

Вместо предисловия

Неторопливо плетут нить человеческой судьбы древние славянские богини. С одной стороны нить судьбы выют пряжи Доля, Среча, Сряшта, Счастье – они даруют счастье и удачу. С другой стороны: Недоля, Несреча, Несряшта, Злосчастье – богини неудачи и горя.

Над ними старшая из прях – праматерь всего живого в мире Макошь. Богиня судьбы следит за тем, чтобы нить судьбы плелась ровно, чтобы счастье и несчастье были равны.

Потому часто человеку кажется, что в его жизни всё гладко и спокойно. Он верит, что его жизнь течет по давно установленному руслу. Расслабившись, он плывет по течению.

Плавно течет жизнь, словно река. Кажется, застыла без движения, превратившись в мертвое стекло. Не видно движения. Везде сон.

Но стоит праматери задремать, как они начинают тянуть нить, каждая в свою сторону, дергать и рвать. Тогда схлестнется нить судьбы в тугой узел, и в одно мгновение вдруг всё изменится: тихое течение внезапно низвергнется в пропасть. Жизнь превратится в бешеную горную реку: вздымается и яростно бьется о скалы, грозя разбить в щепу человеческую жизнь.

Судьба коварна и насмешлива.

Сделала судьба новый поворот и в жизни юного княжича Мстислава, сына великого князя Владимира, крестившего Русь. Сначала по приказу отца отправился он из дворца в несправедливое изгнание в край прекрасный, но далекий. Затем, получив от отца в удел Тмутараканское княжество, он вынужден был уехать в прятанный в глубине степей город.

Часть 1. Стратег

Глава 1

1015 год. В Тмутаракани очень жарко.

Как только на склонах холмов гор тают алые поля, словно пролитая кровь, тюльпанов и как только зелень седеет серебристым ковылем, солнце взбесившейся собакой кусает землю.

Восток, там, где пустыня, словно огромный великан, дышит раскаленным ветром.

Всё увядает очень быстро. Солнце и горячий ветер быстро превращают в пепел землю и всё, что на ней растёт – траву, листья на деревьях.

Через неделю уже и не верится, что совсем недавно степь буйно играла красками жизни.

К середине августа всё становится серым и унылым. С утра еще веет слабое дыхание прохладного запада.

Степная антилопа-сайгак задумчиво стоит в степи.

Детеныш влажным носом толкает матку под заплывший жиром живот, требуя молока.

Птицы не поют. Их любовные игры окончены. Слышен писк голодных птенцов. Пока длится долгий день, их надо кормить, кормить и кормить. Время дорого – скоро они должны быть готовы к дальнему путешествию на юг.

В полдень всё замолкает. Молчит даже вечный спутник степи – неутомный жаворонок.

Воздух звонко звенит туго натянутой, готовой вот-вот лопнуть струной. И кажется, что вот-вот непременно случится какая-то ужасная катастрофа. И на душе становится жутко.

Спасение лишь там, где искрами блистает изобилие воды. Там тускло зеленеет листва. Светятся яркими кристаллами, точно звезды в ночном небе, созревшие плоды.

Ночью в Тмутаракани хорошо – прохладу несет ветер с вечноснежных кавказских гор. А днем, спасаясь от жары, люди прячутся в прохладную глубину хижин.

Кажется, что лето уходит на убыль. Но из Тмутаракани оно, казалось, совсем не собиралось уходить.

Княжеский дворец в Тмутаракани сооружен из саманных кирпичей.

Вязкий и плотный, словно круто замешенное тесто, саман плохо проводит тепло, а потому в глубине сумрачных комнат прохладно даже в самую сильную жару.

Мстислав выбрал под личные покои одну из дальних комнат.

В комнате два окна. Убранство скромное.

У входа к стене прикреплены сайгачьи рога, на них висят плащ и шляпа.

По левую сторону комнаты узкая кровать.

Над кроватью висит щит и оружие – меч и пара кинжалов, украшенных драгоценными камнями и золотом. Оружие очень дорогое – стоит небольшого города.

Посредине комнаты – длинный стол с лавками по обе стороны. Под окном небольшой столик и пара табуреток. На столике прибор для письма. На полке рядом – стопки: одна с грамотами на бумаге, еще одна с пергаментными свитками, и еще одна – с берестяными письмами.

И конечно – у стены стоит сундук с одеждой.

Утром, когда в открытое окно веет прохлада, – самый лучший сон.

Мстиславу тридцать лет.

Он высок. Богатырского телосложения. На теле тугими узлами бугрятся мышцы.

Белая от природы кожа на лице, под южным жарким солнцем приобрела красноватый, словно кожура спелого яблока, оттенок.

Не изменились лишь огромные девичьи глаза с большими, словно опухшими, ресницами.

Мстислав спит спокойно. Ему снится море.

Вблизи берега оно с молочным оттенком, но чем дальше, тем гуще наливается синевой, приобретая темно-лиловый цвет. Но далеко-далеко, там, где горизонта почти не видно, потому что он так далек, что до него, кажется, ни дойти, ни доехать даже на самом быстром коне, море приобретает серебристый цвет и сливается с небом.

Там из бесконечных роев невесомых небесных овец ласковые морские бризы строят волшебные розовые дворцы.

Дитя степей Мстислав любит море. Если была бы его воля, то остался бы он в Таматархе до конца жизни.

Глава 2

Проснулся Мстислав от тихого шепота.

– Кто это? – спросил Мстислав, не открывая глаз.

– Это я, – в ответ послышался голос Часлава.

Мстислав подумал, что Часлав должен был быть в Таматархе.

Первые годы Мстислав каждое лето ездил в Таматарху и даже хотел сделать из Любавино летнюю резиденцию.

Но затем восстала мать. Чудилось ей, что по дворцу в Любавино бродит тень несчастной соперницы.

В результате Любавино было заброшено на пару лет. Но в забвении оставалось недолго. Когда Часлав женился на дочери Александра, главы Таматархи, Мстислав отдал Любавино молодым в качестве свадебного подарка.

Заодно было сделано другое важное дело – по настоянию матери назначил дядьку посадником в Таматарху.

Княгиня Аделина считала, что толку от Часлава в военных делах всё равно нет никакого, а Таматарха слишком важный город, чтобы управлять им через постороннего человека.

Таким образом, было убито сразу два зайца.

Правда, Часлав обиделся на сестру. Ведь тем самым она фактически отстранила его от управления княжеством.

От Тмутаракани до Таматархи было не так уж и далеко, но Часлав, обиженный на сестру, в Тмутаракань приезжал лишь по крайней необходимости.

Таким образом, в Тмутаракани Часлав мог появиться по действительно крайней нужде.

Это встревожило Мстислава.

Он открыл глаза, быстро сел и окинул взглядом дядьку.

Судя по пыли на лице и одежде, тот пришел, не приведя себя в порядок. Для франтова того мужчины, тщательно следившего за своей внешностью, это было из ряда вон выходящим.

Таким образом, всё говорило о том, что Часлав появился с каким-то неприятным сообщением.

– Ну, здрав будь, дядька, – проговорил со вздохом Мстислав.

– И ты будь здрав, – ответил Часлав, продолжая стоять у двери.

В комнату заглянул слуга и поинтересовался, будет ли князь умываться.

– Сейчас, – сказал Мстислав, и слуга занялся сундуком, где лежала княжеская одежда.

– Господин, что будешь одевать сегодня? – поинтересовался слуга.

– Да погоди ты! – бросил Мстислав и показал Чаславу глазами на лавку. – Сядь.

Часлав сел.

– Что случилось? – спросил Мстислав.

Часлав подозрительно оглянулся на слугу.

– Тут все свои, – сказал Мстислав.

– А почему ты думаешь, что что-то случилось? – спросил Часлав.

– Раз ты пришел ко мне с утра пораньше – значит, не зря. Не скажешь же ты мне, что заскучал в своей Таматархе и решил развеяться прогулкой в Тмутаракань?

– Да. Не зря я приехал, – сказал Часлав.

– И что же случилось? – спросил Мстислав.

– В Таматарху пришел на корабле посол от Святополка... – многозначительно проговорил Часлав.

Как Мстиславу было известно, Святополк уже не первый год содержался под арестом. Поэтому он с удивлением переспросил:

– Посол от Святополка?! Точно?

– От Святополка! – подтвердил Часлав.

– Странно. Владимир ведь на него сильно разозлился. Впрочем... Владимир давно мечтал избавиться от него, – задумчиво проговорил Мстислав и поинтересовался: – А разве Святополк с женой не сидят в тюрьме?

– Уже не сидят, – сказал Часлав.

– Ага! Владимир вынужден был отпустить их, чтобы не сердить польского князя Болеслава, на дочери которого женат Святополк, – догадался Мстислав.

– Он отпустил его. И дал ему в удел Вышгород... Но оставил его под строгим присмотром, – сказал Часлав.

Мстислав обратил внимание на притихшего слугу в углу и распорядился:

– Третьяк, что ты заснул? Сходи принеси мне холодного кваса. Да заодно позови Тихона и Первинка.

Когда слуга вышел из комнаты, Мстислав поинтересовался:

– И что Святополк хочет от меня?

– Он сообщает, что Владимир умер, – сказал Часлав.

– Как – умер?! Да неужели?! – удивленно воскликнул Мстислав. – Он же был здоров и крепок! Даже собрался в этом году воевать с Ярославом, который отказался платить ему дань.

– Я привез гонца, он всё тебе и расскажет, – проговорил Часлав.

– Где он? – спросил Мстислав.

– Я оставил его на своем дворе, – сказал Часлав.

– После завтрака приведи, – сказал Мстислав и поинтересовался: – Ты со мной будешь завтракать?

– И Аделина будет на завтраке? – кисло улыбнулся Часлав.

Мстислав усмехнулся – Часлав избегал сестры.

– Нет! Она совсем в монахини подалась. Велела поставить избу рядом с церковью. Питается скоромной пищей, – проговорил Мстислав. Сделал паузу и добавил: – Завтракать будем в гридницкой с дружиною.

Часлав поднялся:

– Тогда пошли!

– Ты иди, – сказал Мстислав. – А мне еще одеться надо.

Глава 3

Хотя Аделина и утверждала, что не была влюблена в Звенко, однако после его гибели сдала – стала увядать, словно цветок в преддверии зимы.

Утратив интерес к жизни, в конце концов Аделина начала склоняться к мысли уйти в монахини.

Ей оставалось завершить только самое важное, как ей казалось, для женщины дело – женить сына. О внуках она еще не думала.

Ясский князь Гавриил, узнав, что Мстислав стал единоличным правителем в Тмутаракани, тут же согласился отдать ему в жены свою дочь Анастасию.

Сыграли свадьбу, и в положенный срок у Мстислава появился и сын, которого назвали Евстафием, а затем и дочь – Татьяна.

С рождением внуков и племянников княгиня Аделина оживилась и отдалась воспитанию детей.

Теперь она занималась строительством христианского храма.

В Тмутаракани и раньше была небольшая деревянная церквушка, но христиан в Тмутаракани прибавилось, и Аделина решила, что пора ставить новую церковь.

Аделина мечтала о каменном храме, но ввиду спешности церковь пока сооружали из дерева.

Таким образом, окончательный уход от мирской жизни Аделине пришлось отложить до лучших времен.

Отстояв церковные утренние службы и проверив, как идет строительство нового храма, Аделина в сопровождении Милицы отправилась на княжеский двор.

Глава 4

Выпроводив дядьку, Мстислав начал одеваться.

Посла Святополка с известием о смерти Владимира надо было принять как можно скорее. Но Мстислав не зря отложил встречу с послом.

Хотя и разделяли Тмутаракань и Киев немало верст, хотя и шли известия неделями, однако Мстислав хорошо знал о происходящем в Киеве.

Ему было уже известно главное – Владимир умер.

Последствия этого несложно было предугадать – начиналась кровавая игра.

Святополк – как старший – имел право на киевское наследство отца. Но было одно но, которое ставило это его право под сомнение: Святополк не был родным сыном Владимиру...

Зато родным был Ярослав, княживший в Новгороде.

Новгородцы – народ непростой. Князей своих они держат в черном теле. Князья отвечали тем же. Поэтому в Новгороде тлел вечный конфликт.

Не миновала сия чаша и Ярослава.

Новгородцы сами попросили Ярослава в князья. Наверно, они надеялись, что смогут управлять юным князем.

Но плохо они знали характер княжича. Он был самолюбив, хитер и жесток. Поэтому вполне закономерными стали его попытки подмять под себя новгородцев.

Впрочем, и другие князья были не смирнее.

А вольнолюбивый дух новгородцев не терпел притеснения. Они хорошо помнили, кто сажал князей на киевский престол.

И дело не в любви новгородцев к своим князьям – не было больше врагов, чем князь и горожане. Не раз доходило до такого жесткого противостояния, что Ярославу приходилось спасаться от гнева новгородцев бегством.

И дело не в ревности новгородцев к Киеву – городу, ставшему столицей благодаря Новгороду.

Всё просто: князья помнят, что киевляне народ ненадежный – кто больше им платит, того они и хвалят. Потому и вынуждены князья править Киевом с оглядкой на Новгород. Новгородцы знают это и получают свою выгоду – и торговые привилегии, и путь к грекам под охраной.

Недавняя ссора Ярослава с отцом была следствием этих странных взаимоотношений: самостоятельно править Новгородом Ярослав мог, только имея поддержку от отца, что между тем еще больше усиливало его зависимость от Киева.

Но при этом Владимир предоставил сыновьям полную самостоятельность и не вмешивался в их распри с местным народом.

Таким образом, князьям проще было обратиться за помощью к соседям. В свою очередь и те обращались за помощью к русским князьям.

Дружба подкреплялась родственными связями, но самым надежным скрепом всё же было золото и серебро.

Ярослав был дальновиден, он знал, что война за наследство неизбежна и в этой войне победит тот, у кого окажется больше золота и серебра.

Именно поэтому, зная о скорой смерти отца, Ярослав отказался платить Владимиру традиционную дань.

Мстислав не сомневался, что новгородцы предпримут все усилия, чтобы свергнуть чужого Святополка и посадить своего Ярослава на стол в Киеве.

Святополк мог выстоять в этой междоусобице, только если остальные братья окажут ему помощь. Поэтому несложно было догадаться, зачем Святополк прислал гонца.

Как человек, Святополк нравился Мстиславу, но в таких делах личные симпатии не имели никакого значения. Поэтому ответ Святополку надо было тщательно обдумать.

От мыслей оторвали Тихон и Первинок.

Оба зрелые мужи – высокие, крепкие. Белоголовый прежде Первинок потемнел. А в черных волосах Тихона появились серебряные прожилки.

И положение их изменилось. Тихон был воеводой уже лет десять. Рассудительный и хитроватый Первинок пошел по административной части и заведовал посадниками в городках.

Оба были первыми советниками Мстислава. Каждое утро они приходили с докладом к князю.

Войдя в комнату и увидев, что Мстислав еще не одет, они остановились около двери.

– Доброе утро, князь! – поклонились оба.

Мстислав кивнул головой в сторону:

– Садитесь. Я сейчас.

Тихон и Первинок присели на лавку у стены. Они были удивлены тем, что Мстислав вызвал их к себе раньше времени. Теперь ожидали объяснения этому.

Через минуту Мстислав был готов.

Он присел к столу, окинул внимательным взглядом друзей, и по губам пробежала усмешка:

– Однако, братцы, вы зажирели!

Тихон, склонный к полноте, покраснел лицом.

– И ничего мы не зажирели! – запротестовал худощавый Первинок.

– Зажирели-зажирели! – сказал Мстислав. – Живем тихо-мирно – ни с кем не воюем.

– Как не воюем? – возразил Тихон.

Первинок рассудительно заметил:

– Потому мы и не воюем, что соседи чувствуют за нами силу. Они не ходят на нас. А нам чужие земли не нужны.

Тихон привстал:

– Князь, да что же такое случилось-то? Будь добр – объясни...

– К нам приехал посол из Киева.

– И что? – спросил Первинок. – К нам послы часто приезжают...

– Владимир внезапно умер, – сказал Мстислав.

– Кто занял киевский престол? – быстро спросил Первинок, почуявший интригу.

– Гонец от Святополка... – многозначительно промолвил Мстислав.

– Значит, всё же – Святополк... – задумчиво проговорил Первинок. – А как же Борис?

Владимир готовил на свое место Бориса. Как говорят, он отдал ему под руку свою дружину.

– Пока не знаю, – проговорил Мстислав.

– Так что – Святополк захватил стол в Киеве и начал войну с Борисом? – спросил Тихон.

– Да не будет там никакой войны Святополка с Борисом, – уверенно проговорил Первинок. – У Бориса дух слабоват. Владимир слишком избаловал его и не научил его жить самостоятельно. А вот Ярослав – тот в Новгороде, что обложенный волк. Ярослав зубаст и зол. Он обязательно ввяжется в борьбу за наследство.

Мстислав кивнул головой:

– Я уже думал об этом. Даже если Ярослав сам не захочет воевать за киевский стол, то его заставят новгородцы.

Тихон с недоумением поинтересовался:

– И что? Это нам принесет какие-то заботы? Мы ведь далеко. Владимир отдал тебе Тмутаракань. И Святополк вряд захочет отобрать у тебя Тмутаракань. Да и Ярославу она не нужна. Им сейчас будет не до этого.

– А то! Мыслить надо дальше своего носа! – сердито проговорил Мстислав. Он встал и зашагал по комнате, на ходу размышляя. – Вот поразмысли – старшие сыновья Вышеслав и Изяслав считались первыми наследниками Владимира. Но они умерли почти пятнадцать лет назад, и первым в очереди на киевский стол становился...

Первинок заметил:

– Святополк старше Ярослава.

Мстислав остановился:

– Рассуди: объявив, по настоянию дружины, Святополка своим сыном, Владимир всё же считает... тфу – считал – его чужим. Тем не менее Святополк оставался старшим. Только Владимир даже в мыслях не допускал, что передаст Святополку великокняжеский трон. Всё изменилось с рождением у царицы Анны сыновей. Замысел Владимира, задуманный им почти два десятка лет назад, был хитер. Ведь он как рассуждал – император Василий совершенно не беспокоился о наследнике; он даже не удосужился выдать замуж дочерей своего брата Константина. Пока он был занят войнами, они состарились и вышли из детородного возраста. Между тем Василию шел седьмой десяток лет. Он часто болел. По всем приметам жить ему оставалось недолго. Это радовало Владимира. В Киеве подрастали Борис и Глеб, которые, как сыновья греческой царевны, ввиду отсутствия других наследников единственные имели право на византийский трон.

Первинок заметил:

– Разумеется, что византийские аристократы не обрадовались бы перспективе иметь императором русского.

– Какие еще аристократы?! – усмехнулся Тихон. – Сплошь армяне да мошенники с улицы. Их царицей была кабацкая проститутка.

Первинок покачал головой:

– Император Василий – потомок древней македонской династии.

– А для этих заносчивых аристократов у Владимира имелся сильный аргумент – русское войско, которое уже не раз брало Константинополь и благодаря которому Византия побеждала своих многочисленных врагов, – презрительно проговорил Тихон.

– Не важно, что замышлял отец – с его смертью и его замыслы стали пылью, – проговорил Мстислав и подошел к окну.

Из окна был виден двор. Дворники уже закончили уборку и посыпали его желтым, словно золото, песком.

Мстислав несколько минут смотрел в окно, затем задумчиво заговорил:

– Борис и Глеб – близнецы. Но как только они подросли, Владимир выделил Бориса. Наверно, Борис казался ему более смелым, решительным и хватким. Чтобы избежать соперничества братьев, Владимир отправил Глеба княжить в Муром. Бориса же не только приблизил, но и стал приучать под него свою дружину. Он хотел его сделать великим князем в обход установленного обычая. Владимир знал, что другие его сыновья недовольны этим. Особенно Ярослав. Ярослав ненавидел обоих братьев. Но Владимир всегда считал, что так как миром правит сила, – а сила была на его стороне, – то Ярославу придется смириться с его решениями.

– Мы это всё уже знаем, – сказал Тихон. – Но всё же – какое отношение это имеет к нам?

Мстислав бросил на него быстрый взгляд и слегка усмехнулся:

– Тихон, ты мог бы быть и посообразительнее...

Первинок покачал головой:

– Теперь начнется рубка. Ярослав и раньше ненавидел Святополка.

Тихон тихо кашлянул в кулак и задал прямой вопрос:

– Князь, так ты собираешься вмешаться в войну за наследство?

Первинок тихо напомнил:

– Князь, а ты ведь одного возраста с Ярославом...

– Я на полгода младше его, – сказал Мстислав.

– Это не имеет значения, – сказал Первинок. – Порядок престолонаследия уже нарушен.

И не ты виноват в этом.

Мстислав подошел к столу. Плеснул из кувшина в кружку кваса. Отпил пару глотков.

Затем сел.

Поигрывая кружкой, проговорил:

– Потому мне и нужен совет, как мне поступать дальше. Что отвечать послу Святополка?

– Ты когда принимаешь посла? – задал вопрос Тихон.

– После завтрака.

– Значит, надо будет собрать дружину – пусть послушают посла и скажут свое мнение, – сказал Тихон.

Первинок кивнул головой:

– Сразу ответа не давай. Дружине надо будет подумать.

– Собирайте дружину! – сказал Мстислав.

Первинок тихо кашлянул:

– Князь, и надо позвать и княгиню Аделину.

– Она совершенно отошла от государственных дел, – с легким недоумением проговорил Мстислав.

– Она очень умная женщина, – сказал Первинок.

Мстислав согласился:

– Вот что-что, а ума матушке не занимать! Ну что же – и ее позовем.

Глава 5

Большую комнату гридницкой занимал длинный стол.

Стол накрывался три раза в день. На стол выставлялось много мяса – мясо придает войнам энергию и смелость. Также обязательно – щи, каши, различные пироги. На ужин выставлялись вино и пиво.

Вино и пиво были дороги, но князь был щедр.

На ужин в гридницкую Мстислав приходил не всегда – занят был делами. Но на завтрак обязательно приходил. С боярами.

Среди бояр был и бывший воевода Звенко Сфенг. Сфенг сильно постарел. Мстислав перестал ему давать какие-либо поручения, но от княжеского двора не отдалял – Сфенг был хорошим советчиком. Под его рукой оставались дружинники Звенко, старшим из которых был Братша.

Остался в Тмутаракани и Власий. Он окончательно обосновался в дружине Мстислава.

Во время завтрака обсуждались текущие дела. Звучали шутки, смех. Любой дружинник мог обратиться к князю и с личной просьбой.

Но в этот раз Мстислав был задумчив и молчалив. Было заметно, что его мысли заняты чем-то очень важным. Никто не осмелился отрывать его от размышлений, поэтому завтрак шел необыкновенно тихо.

В завершение завтрака Мстислав напомнил Тихону, чтобы он собрал всех бояр на прием посла от Святополка, и приказал Первинку:

– А ты, друг Первинок, пошли со мной.

– Хорошо, – сказал Первинок и заторопился за Мстиславом.

Мстислав направился в сад, где и надеялся застать мать.

Там он ее и застал.

Аделина, с накинутым на плечи темно-синим платком, сидела в беседке с вышиванием в руках.

На столе посредине беседки стояли кувшин с квасом и блюдо с фруктами – черешней, яблоками, абрикосами.

Лавки были покрыты овечьими шкурами.

На лавке в обнимку спала Анастасия с дочерью Татьяной. Рядом, облокотившись на спинку лавки, дремала Милица.

Татьяне было четыре года.

После того как Владимир несколько лет назад забрал дочь в Киев, Аделина всю свою любовь выплеснула на внучку.

И Мстислав, впрочем, как и все отцы, любил ласковую дочку.

Сына Евстафия с ними не было. По обычаю он уже был отдан воспитателю и жил в его доме.

Заглянув в беседку, Мстислав поприветствовал мать:

– Будь здрава, матушка. Хорошо ли ночевала?

Первинок скромно остался в стороне.

– Тише! – громким шепотом проговорила Аделина.

Мстислав, показывая глазами на дочку, тихо поинтересовался у матери:

– Как она?

– Спит, – ответила Аделина, откладывая вышивание. – Ночью она совсем плохо спала из-за жары.

Мстислав кивнул головой:

– Жарко. Я тоже плохо спал ночью.

– С утра мы сходили на речку. Потом занимались вышиванием. Но ей быстро надоело, и она уснула, – продолжила Аделина и пожаловалась: – Эти места слишком жаркие. Каждое лето я жду с нетерпением, чтобы быстрее наступила осень.

– Жаркие места, – согласился Мстислав и укорил мать: – Матушка, но ты же на лето можешь уезжать в Таматарху – там прохладнее. Князь Звенко всегда на лето отправлял семью в Любавино.

При упоминании имени князя Звенко у Аделины задрожало веко, и она быстро перекрестилась. Затем жалобно попросила:

– Мстислав, не упоминай при мне этих имен. Не сыпь мне соль на рану. По молодости я сильно нагрешила, теперь мне не отмолить моих грехов.

Мстислав бросил на Аделину подозрительный взгляд.

В свое время Аделина запретила проводить расследование гибели семьи Звенко. Затем дело как-то забылось.

– Значит... – начал Мстислав.

– Ничего – не значит! Кто старое помянет, тому глаз вон! – резко проговорила Аделина. – Такова жизнь – если бы князь Звенко и его семья не погибли, то неизвестно, что было бы с тобой. Вряд ли было бы что хорошее. У Звенко сын был бы уже взрослым. Жалко Любаву и ее детей, но такова жизнь – чтобы кто-то был сыт, кто-то другой должен умереть.

– Ну, не будем так не будем, – усмехнулся Мстислав и внезапно заинтересовался: – Матушка, тебе известно, что князь Владимир умер?

Удивление Аделины выдали лишь едва заметно дрогнувшие ресницы.

– Нет, – сказала она.

– Только что дядька Часлав привез посла от Святополка, – сказал Мстислав. – Сейчас я буду принимать посла. Хочу, чтобы и ты послушала его.

Аделина кивнула головой:

– Хорошо. Я приду.

Мстислав вышел из беседки, но его окликнула мать:

– погоди, Мстислав, я хотела бы с тобой переговорить.

Мстислав остановился. Аделина подошла к нему, взяла под руку и отвела на десяток шагов от беседки.

Оглянувшись на Первинка, который последовал за ними, промолвила:

– Первуша, оставь нас наедине.

Первинок прошел дальше на пару десятков шагов.

Убедившись, что никто их не может услышать, Аделина проговорила вполголоса:

– Мстислав, а что у тебя с Анастасией?

Щеки Мстислава порозовели. Он пробормотал:

– Матушка, с чего бы ты это забеспокоилась? Всё у нас вроде бы нормально... Или Анастасия на что-то жаловалась?

– Не жаловалась, – сказала Аделина. – Но чую, что вы охладели друг к другу.

– Так мы уже не мальчик и девочка, – сказал Мстислав. – И женились не от большой любви, а по политической выгоде.

Аделина вздохнула:

– Вот то-то и оно.

– Матушка, а что тебя все же беспокоит? – задал прямой вопрос Мстислав.

– Меня беспокоит... – задумчиво проговорила Аделина. Обвела долгим взглядом Мстислава и сказала: – Ты мужчина видный, здоровый, а сын у тебя только один. У Владимира с десяток детей, и то половина их умерла. Тебе нужны еще сыновья!

– Для этого любви не надо, – усмехнулся Мстислав. – Не во мне проблема. Бог не дает Анастасии детей. А отец мой... Мой отец славился распутством, он ни одной юбки не пропустил. Он и сам был ребенком от шалавы.

– Не будем об этом, – проговорила Аделина. – Бог ему судья!

Мстислав бросил взгляд на солнце.

– Матушка, солнце спешит в полдень, пора идти на совет. Ты со мной пойдешь?

– Иди. Я только скажу Милице, что ушла, и следом за тобой приду, – проговорила Аделина и вернулась в беседку.

Глава 6

Когда Мстислав пришел в парадную палату, старшие дружинники были в сборе. Они сидели на лавках у стен.

Судя по лицам, они уже знали о прибытии гонца из Киева. Правда, с какими известиями он прибыл, они еще не знали. Часлав позаботился о том, чтобы с послом или его слугами никто не смог переговорить.

Догадываясь, что князь неспроста срочно созывает совет, дружинники оживленно обсуждали приезд посла и выдвигали различные версии.

Увидев, что в палату вошел князь, они встали.

К Мстиславу подошли Тихон и Сфенг и стали шептаться.

Тем временем подошла и Аделина. Она тихо присела на лавочку у окна.

Мстислав, заметив ее, кивнул ей головой. Он прошел к матери, взял ее под руку, провел к трону и посадил в кресло рядом. После чего сам сел на трон.

Первинок, который обычно вел на приемах записи, занял место за столиком с письменными принадлежностями.

Сфенг был самый старый из бояр. Поэтому, как старейшина, он начинал собрание. Грузно опираясь на посох, он вышел на середину палаты и громко трижды стукнул посохом о пол.

Бояре затихли.

Мстислав задал вопрос:

– Где гонец?

Сфенг снова стукнул посохом о пол и объявил:

– Пусть посол войдет.

В палату вошел Часлав. Рядом с ним шел человек. Лицо его было умыто. Он смотрел красными от усталости глазами. Его одежда очищена от пыли, однако кое-где на одежде виднелись остатки грязи.

Пройдя вперед, он остановился, не доходя до трона несколько шагов, поклонился и сообщил:

– Князь Мстислав, великий князь Святополк желает тебе здоровья.

По рядам бояр пробежал удивленный шепот – они были удивлены титулом, которым посол именовал Святополка.

– И ему того же желаю, – сказал Мстислав и задал вопрос: – Тебя прислал князь Святополк?

Гонец склонил голову, но поправил:

– Князь Святополк – великий киевский князь!

На замечание Мстислав не отреагировал: согласиться с титулом означало бы признать Святополка великим князем, не согласиться – не признать. И так и так Мстислав получал себе врага.

– Кто ты и как тебя зовут? – с невозмутимым видом поинтересовался Мстислав.

– Я боярин великого киевского князя Святополка, – твердо и с достоинством проговорил посол и назвал свое имя: – Меня зовут Микула.

– Хорошо, Микула, – сказал Мстислав и задал вопрос: – Так что он передает мне?

– В ночь на 15 червня Владимир неожиданно скончался, – сказал Микула и подал письмо.

Мстислав не взял письмо в руки. Бросил взгляд в сторону Первинка и приказал:

– Первинок, прочитай.

Первинок поднялся из-за своего столика, взял письмо, развернул и начал читать.

– «Мой брат, шлю тебе известие, что наш отец великий князь Владимир умер. По предсмертному завещанию и по праву старшинства в роду я занял киевский стол. Мы с Борисом договорились, что он присоединится ко мне. А за это я ему дам еще волостей. Но когда Борис стоял на реке Альте, подосланные к нему Ярославом убийцы убили его. Я предлагаю тебе приехать в Киев, чтобы договориться обо всем. А за всё я дам тебе владения, которые раньше принадлежали твоему брату Борису. Искренность моих слов подтвердит воевода князя Бориса боярин Добрыня. Он приведет к тебе Борисову дружину, из тех, кто не пожелал служить мне или Ярославу, но желает служить тебе. Относясь к тебе с любовью, я не стал им препятствовать».

Мстислав хмыкнул: дружинники? – и бросил вопросительный взгляд на Тихона.

– Пока никто к нам не приходил, – сказал Тихон.

– Ладно, это потом, – сказал Мстислав и обратился к послу: – Расскажи подробнее, что там у вас произошло.

Микула поклонился и начал рассказывать:

– Ярослав отказался платить отцу дань...

Мстислав усмехнулся.

Микула продолжал:

– ...и с зимы Владимир готовился идти на Ярослава. По его приказу ремонтировались дороги и мосты на Новгород. Но когда он вывел войско, ему сообщили, что печенеги собираются напасть на Киев, и он повернул войско на восток, к реке Альте. Но, не найдя печенегов, оставил войско на любимого сына Бориса, сам вернулся в Киев...

– Знакомая уловка. Это Ярослав подкинул ложную весть, чтобы задержать Владимира до осени. А в зиму воевать несподручно, – снова усмехнулся Мстислав и поинтересовался: – И что дальше? Почему он умер так неожиданно?

Посол понизил голос:

– Ходит слух, что Владимира отравила сестра Ярослава Предслава.

Аделина тихо, но отчетливо заметила:

– Вот и свершилась месть Рогнеды. Она воспитала своих детей в ненависти к Владимиру.

Микула продолжил:

– Предслава пыталась скрыть смерть Владимира – она хотела, чтобы Ярослав успел приехать и занять отцовский трон. Но Святополк узнал о смерти Владимира раньше всех, потому что находился по приказу Владимира рядом в Вышгороде и сам сел на киевский стол. Владимир своими руками устроил так, чтобы Святополк находился рядом.

– А киевляне? – спросил Мстислав.

– Киевляне приняли Святополка. Вышгородские старшины дали им четыре бочонка золота.

Аделина тихо рассмеялась:

– Мудрая пословица говорит: «Держи друга рядом с собой, а врага еще ближе». В тесных объятиях, чтобы удушить того, если тот попытается сделать зло. Владимир перехитрил сам себя – он держал в тесных объятиях Святополка, которого ненавидел, но не подумал, что когда умрет, то все останется тому, кто будет рядом. Вот рядом оказался как раз тот, кому он и не хотел ничего отдавать.

– Это так, – сказал Мстислав.

– Владимир считал своим единственным законным наследником сына Анны Византийской Бориса, – сказала Аделина.

Мстислав вновь взглянул на посла:

– И что он?

– Борис поддержал Святополка, признав его старшинство... – сказал Микула.

– Ага! – проговорил Мстислав. – А остальные князья?

– Но этого не признал Ярослав, – сказал Микула. – Его люди убили Бориса. Теперь Святополк предупреждает братьев, что Ярослав послал к ним убийц.

– О господи! – в ужасе воскликнула Аделина.

Мстислав нахмурился:

– Не удивлен. Ярослав всегда ненавидел своих братьев. Я его убийц не боюсь...

– Это воина не надо бояться, – проговорила Аделина. – А убийц надо опасаться, потому что с честным противником ты стоишь лицом к лицу, а убийца бьет коварно, в спину.

– Ты права, матушка, – проговорил Мстислав и обратился к послу: – Ты что-то еще можешь рассказать нам?

Микула поклонился:

– Я передал всё, что мне было поручено.

– Хорошо, – сказал Мстислав. – Ты можешь быть свободен.

Микула не шевелился.

– Что? – спросил Мстислав.

– Мне нужен ответ, – сказал Микула.

– Ответ будет позже, – сказал Мстислав.

Микула поклонился и вышел.

Глава 7

Когда Микула ушел, Аделина проговорила:

– Не идет у меня из головы предупреждение по поводу убийц.

– И в самом деле – надо охрану усилить, – сказал Часлав.

– Это мы сделаем, – сказал Тихон.

– Этого мало! – сказала Аделина. – Поставь на границы заставы. Пусть всех убивают, кто едет к нам с севера с недобрыми намерениями.

– И как определить тех, кто едет с недобрыми намерениями? – проговорил Мстислав. – Мы так всех перебьем, кто к нам едет. И среди них больше будет невинных.

Аделина зло проговорила:

– Лучше убить десять невинных, чем пропустить одного убийцу!

– Тут надо поступить просто – временно запретить въезд в княжество тех, кто будет идти с севера, – тихо заметил Первинок.

– И что? – бросила на него взгляд Аделина. – Как это остановит убийц? Они же просто обойдут заставы!

– Вот именно! – проговорил Первинок. – Честные люди будут ждать, пока мы разрешим въезд, а нечестные попытаются обойти заставы.

– Вот таких и надо будет ловить! – сказал Тихон.

– Хорошо. Делай, как договорились, – сказал Мстислав и обратился к боярам: – От убийц мы предохранимся. Но перед нами встает более важный вопрос: как видим, на Руси началась междоусобная война, и что делать нам теперь? Кого нам поддержать? Чего нам добиваться? Ввязываться ли нам самим в борьбу за власть?

– Когда-то Владимир обещал отдать тебе Чернигов, но он не выполнил свое обещание, – напомнил Часлав. – Теперь Святополк сулит тебе Чернигов и земли, что он обещал Борису. Надо использовать это.

– А если победит Ярослав? – задал вопрос Мстислав.

– Он пока не великий князь. И пока он тебе ничего не обещает. Пока он только пытается подослать к тебе убийц, – сказал Часлав. – Но когда ты займешь Чернигов, он вынужден будет смириться с этим.

Сфенг закашлялся. Отдышавшись, хрипло проговорил:

– Князь Звенко не вмешивался в войны за Киев, потому его никто не трогал.

– Всё равно он погиб, – сказал Братша.

– Если бы вел смирно, то ничего бы с ним не случилось. Он сам виноват, – заметил Власий.

Братша окинул его злым взглядом:

– Если бы подло не убили его семью...

– Хватит об этом! – гневно воскликнула Аделина. – Никто не виноват в их гибели, такова была их судьба.

Братша громко засопел, но с княгиней спорить не стал.

Образовалась тяжкая пауза.

Ее прервал Первинок.

– А я думаю так, – рассудительно заговорил он. – Святополку надо дать заверения, что мы признаем его право на великокняжеский стол и берем то, что он нам обещает, но...

Все с любопытством уставились на Первинка.

– Но встречать в войну между Ярославом и Святополком нам пока не следует. Пусть они сами решают свой спор. У нас других забот хватает.

Успокоившаяся Аделина проговорила:

– Первуша прав. Кавказ всегда был беспокоен – населяющие его племена беспрестанно воюют друг с другом. Наше родство с ясами оказалось крайне полезным. Наш союз создал силу, способную укротить любых спорщиков. Даже извечные враги – Византия и Арабский халифат – вынуждены были перенести свои споры в места, более отдаленные от Тмутаракани. – Она вздохнула: – Но боюсь, что со смертью Владимира это равновесие нарушится.

Мстислав кивнул головой:

– Верно говоришь, матушка. Святополк и Ярослав схлестнулись в борьбе за киевский стол. Я уверен, что в эту войну они обязательно постараются втянуть и нас. Ромеи и арабы не упустят использовать этого. Начнется большая война. Чтобы не захватили нас врасплох, надо послать послов в соседние царства. Пусть смотрят, что там делается, а мы тем временем будем готовиться к войне.

Заговорил Часлав:

– А я вернусь в Таматарху. Там рядом адыги. Надо посмотреть, что они будут делать.

– Хорошо, – сказал Мстислав.

Часлав был прав – опасным соседом Тмутаракани был адыгский союз племен, во главе которого стояли касоги-зихи. Адыги заселяли приморские земли Восточного Причерноморья. Они занимались земледелием и скотоводством, что было нелегко на болотистых почвах. Адыги вели длительную войну с Хазарским каганатом, но когда Святослав разгромил Хазарию, не стали друзьями славян. Не любили они и арабов, и греков. Больше всего они склонялись к союзу с Грузией. Правда, столкновений со славянами тщательно избегали.

Адыги были хорошими мореходами, поэтому были конкурентами и для Тмутаракани, и для Византии.

«Дядька неглуп. Но все же к адыгам надо послать лазутчика, человека похитрее», – подумал Мстислав и остановил взгляд на Сфенге.

Серебристая борода волной спадала на грудь. Лицо изборождено глубокими морщинами, словно иссохшая степь после тропического ливня. Пальцы – высохшие корни. Старик. Но светлые глаза смотрят умно.

Сфенг был стар для войны. Но он был умен и хитер. При Звенко он часто имел дело с адыгами, поэтому они его хорошо знали.

Лучшего человека для столь сложного дела найти было невозможно.

Мстислав обратился к Сфенгу:

– Боярин, ты сможешь поехать к адыгам?

– Смогу, – сказал Сфенг.

– Посмотришь – не будут ли их будоражить грузины или арабы? И к Рождеству возвращайся, – пояснил задание Мстислав и начал давать задания другим послам.

Закончив назначения разведчиков на самые важные направления, Мстислав задумался – оставалось Аланское царство.

Царем аланов был брат Анастасии – Гавриил. Однако в политике родственные связи ничего не значат.

С аланами ситуация была даже сложнее, чем с адыгами. Они пока были союзниками Тмутаракани.

Однако...

Как уже отмечалось, Святослав разгромил Хазарское царство на Волге, однако остатки бывшего могучего государства остались в Тавриде и в Азии за Каспийским морем. На Кавказе аланский союз племен мечтал о восстановлении Великого каганата. Аланские князья в Хазарии были аристократией. Они еще помнили о недавнем величии и мечтали о его восстановлении. И препятствием в этом была Тмутаракань.

– Кого же направить к аланам? – задумчиво проговорил Мстислав. – Учитывая родственные связи, туда следовало бы направить Часлава, но Часлав уже едет в Таматарху.

Он бросил взгляд на Часлава.

– Дядька, наверно, всё же сначала съездишь к аланам, а потом уж поедешь в Таматарху...

– Нельзя к аланам Часлава посылать, – подала голос Аделина. – Если пошлем его, то Гавриил догадается, что мы прислали его для разведки. И обидится, что мы не доверяем ему.

– В государственных делах не может быть слепого доверия, – возразил Мстислав.

– Аланы наши союзники. Это надо ценить, – сказала Аделина.

– Ты рассуждаешь как женщина, – недовольно проговорил Мстислав. Ему не понравился нравоучительный тон матери. Но всё же он поинтересовался: – И что ты предлагаешь?

– Пусть Анастасия напишет письмо брату. А кто-нибудь из дружинников отвезет его. Это не вызовет никаких подозрений. А незнатному дружиннику будет легче выяснить то, что нас интересует.

– Хорошо. Пусть будет так, – согласился Мстислав, отметив в уме, что мать хотя и отстранилась от государственных дел, но не утратила былой остроты ума и изворотливости. Он обратился к Первинку: – Друг мой скромный, глаз у тебя – острый, ум – изощренный и быстрый. Это как раз и нужно. Так что готовься к поездке к аланам.

Глава 8

Ужинал Мстислав в узком семейном кругу в личных покоях. Никого посторонних не было. Кроме Анастасии и Аделины в комнате находилась Милица.

Время было, как раз когда солнце нависает над горизонтом: в это время на улице еще светло, но в комнатах уже царит полумрак.

Милица, намереваясь читать книгу, устроилась было около окна, но, поняв, что света от окна все же недостаточно для чтения, зажгла свечу.

Свеча отражалась желтым огоньком в стекле. Милица тихо читала, остальные слушали ее.

Мстислав слушал невнимательно. За день он так и не улучил времени, чтобы предложить Анастасии написать письмо брату. Впрочем, письмо уже подготовил Первинок, ей надо было только подписать его.

Мстислав, Аделина и Первинок сидели над письмом едва ли не полдня. Договорились на том, что в письме ничего о делах прямо не писать. Лишь полупонамеком упомянули о начавшейся на Руси борьбе за власть и о связанных с этим опасениях.

Остальное Первинок должен будет выяснить в личных беседах.

Мстислав пока о письме ничего не говорил, но он не сомневался, что письмо Анастасия подпишет. А лучше будет, если перепишет его своей рукой. От письма, написанного собственноручно, веет искренностью, родным духом. Гавриил, конечно, знает, что его сестра давно уже мужняя жена, тем не менее родная кровь не забывается.

Не это сейчас занимало мысли Мстислава.

У него не выходил из головы упрек матери. Мать высказала озабоченность тем, что у него был только один сын. Она считает, что он должен позаботиться о своем потомстве.

Мстислав искоса взглянул на Анастасию.

Анастасия выглядела молодо. Но за хорошей внешностью скрывался четвертый десяток лет. В этом возрасте женщина уже выходила из детородного периода. Возникал вопрос: способна ли была Анастасия еще рожать детей? Ведь она и раньше не была плодовита...

Обычно в таких случаях вопрос решался просто: согласно языческой вере любой мужчина мог иметь столько жен, сколько это было нужно для успешного продолжения рода.

Но христианство относилось к этому иначе – оно запрещало многоженство. Возможно, из-за этого род Рюриковичей всё время балансировал на грани исчезновения. Прадед князь Игорь имел единственного сына – Святослава.

Убежденная христианка княгиня Ольга настаивала, чтобы Святослав отказался от язычества и принял христианство. Но языческие боги благоволили к князю-воину, и он имел трех сыновей.

Из них выжил только Владимир – потомство от случайной связи. Княгиня Ольга ненавидела бастарда черной ненавистью, словно предвидела, что он станет причиной гибели законных княжичей.

Ну а Владимир, ставший великим князем по воле интриги, всерьез занялся продолжением рода: как уже отмечалось, он имел шесть жен и множество детей от случайных связей.

Но он был дикарь, а Мстислав был христианином и потому не мог следовать примеру отца.

– Мстислав, ты о чем задумался? – прервала чтение Милицы Анастасия.

Мстислав поднял голову. Он хотел было задать Анастасии тревоживший его вопрос. Но, встретившись с ее глазами, большими и наивными, понял, что этим вопросом он тяжко обидит ее. Для женщины вопрос о ее способности к продолжению рода является одним из самых важных и болезненных.

Анастасия ничего не ответит, но высказанное недовольство в способности к продолжению рода отложится в ее голове навсегда, и это вселит в их отношения недоверие.

Отец Мстислава князь Владимир имел шесть жен, но ни одну из этих женщин он не любил. И вряд ли он любил хоть одну из женщин, которые доставались ему.

Мстислав подумал, что страшно жить на свете без любви.

Вряд ли Мстислав любил жену, скорее он привык к ней и потому не хотел отдалять ее от себя.

– Из Киева приехал посол от Святополка с известием, что умер князь Владимир, – проговорил Мстислав.

– Сожалею, – сказала Анастасия. – Ты, наверно, горюешь?

– Я его знал мало, – проговорил Мстислав.

– Владимир был чужим для своих сыновей, – сухо заметила Аделина. – Он никого из них не любил...

– Бориса он любил, – сказал Мстислав.

– Он не Бориса любил, а возможность через него занять царский трон в Константинополе, – возразила Аделина.

– А что на совете дружины по этому поводу говорили? – поинтересовалась Анастасия.

В отличие от Аделины, Анастасию на совет дружины Мстислав обычно не приглашал.

Она и не обижалась. По характеру она была мягкой. Рядом с жесткой свекровью чувствовала себя, словно ягненок рядом с волчицей. К государственным делам она проявляла мало интереса.

– Ярослав не отдаст Святополку киевский стол, – сказал Мстислав.

– Но какая для нас от этого опасность? – спросила Анастасия.

– Милая моя! – снисходительным тоном проговорила Аделина. – Всё просто – наши соседи могут воспринять наше миролюбие как слабость и начать с нами войну.

– Мой брат поможет нам, – сказала Анастасия.

– На него мы и надеемся, – сказал Мстислав. – Ты должна написать ему письмо.

– Я завтра же напишу, – сказала Анастасия.

– Оно уже написано, – сказала Аделина. – Тебе надо его только переписать.

Анастасия поморщилась, но только поинтересовалась:

– Кто повезет письмо?

– Первинок, – сказал Мстислав. – Он завтра же утром уедет.

– Могу ли я что-то передать брату на словах?

– Конечно! – сказал Мстислав. – Он ждет тебя.

Анастасия ушла. Поднялся и Мстислав, чтобы уйти. Его задержала Аделина:

– Мстислав, ты будешь говорить с ней по нашему вопросу?

Мстислав покачал головой:

– Пусть идет, как Богу будет угодно. Упрек по поводу потомства оскорбит ее на всю жизнь. В этом нет ее вины.

– Что ж... – Аделина запнулась и выдохнула: – Значит, у тебя остается один выход...

– Какой?

– Завести сыновей от другой женщины.

Мстислав вспыхнул:

– Я христианин!

– И что же? Я же не предлагаю тебе завести еще одну жену.

– Но...

– Как тяжело иметь дело с порядочными людьми! – вздохнула Аделина. – Мстислав, ты благородный человек. Верный муж. Но для правителя эти качества вредны.

– Не будем об этом говорить. Я есть таков, каков есть, – раздраженно проговорил Мстислав.

– Ладно, пусть всё так и остается, – сказала Аделина. Она поднялась с лавки и обратилась к Милице: – Милица, пришли ко мне своего сына. Я тоже скажу Первуше несколько слов.

Глава 9

На Рождество было намечено открытие построенной церкви. Аделина на стройке бывала каждый день. За пару дней до открытия церкви она пригласила Мстислава посмотреть на построенную церковь.

Мстислав отправился в церковь, как всегда, в сопровождении близких бояр.

Церковь высилась над городом, словно золотой пирамидальный тополь. Маковка царя-пала нависшее над городом влажное небо, сеявшее редкими маховыми снежинками.

Церковь была построена из хорошо просушенного дерева. Воздух внутри церкви был свеж и пах горьковатой сосновой смолой. Окна застеклены многоцветным стеклом, отражавшимся радугой в отполированных до блеска полах.

Аделина была довольна. Бояре охали и цокали языками, восхищаясь красотой церкви.

А Мстислав размышлял.

Подтверждались его опасения: разведчики, посланные к соседям, сообщали, что вожди соседних стран ждали изменений и готовились к войне.

Всем было понятно, что междоусобица на Руси вызовет ослабление позиций на ее границах.

Подтвердилось и предупреждение Святополка – выставленные на границах заслоны перехватили и уничтожили отряд норманнов. Пленные сознались, что они были посланы Ярославом, чтобы убить Мстислава.

Теперь Мстислав всё время думал о том, как ему действовать дальше. В междоусобицу ему не хотелось вмешиваться, но он был уверен, что Ярослав, если уж начал устранять соперников, не оставит его в покое.

Аделина, заметив равнодушие Мстислава к новой церкви, была удивлена и обижена – Мстислав, как и многие другие мужчины, относился к религии потребительски. Аделина подозревала, что Мстислав не поклонялся языческим богам только потому, что иметь дело с одним Богом было удобнее. Однако Мстислав внешнюю сторону соблюдал тщательно. Он даже не пил стакана воды, не перекрестившись.

Занятый своими мыслями, Мстислав не обратил внимания на обиженное лицо матери; сказав, что церковь ему нравится, он поспешил вернуться на княжеский двор.

В гридницкой его ожидал человек Сфенга.

– Сфенг уже вернулся? – узнав его, поинтересовался Мстислав.

– Вернулся, – поклонившись, доложил человек.

– И где он? Почему не пришел? – спросил Мстислав.

– Заболел он в дороге. Лежит – нет сил даже подняться, – сказал человек.

– Лекаря ему позвали? – спросил Мстислав.

– Позвали, – сказал человек.

– И что лекарь говорит? – спросил Мстислав.

– Говорит, что до утра не дотянет, – сказал человек.

– Жаль старика, – проговорил Мстислав.

– Он просит тебя прийти к нему. Говорит, что у него важные вести, – сказал человек.

– Пошли, – сказал Мстислав.

Двор Сфенга находился в паре сотен шагов, поэтому Мстислав через несколько минут уже входил в ворота боярской усадьбы.

Тмутаракань, как и все города в те времена, состояла из множества усадеб, огороженных высокими глухими заборами. В каждой усадьбе была боярская изба и людские избы для слуг.

Боярская изба отличалась лишь большими размерами.

Кроме того, на дворе множество хозяйственных построек – амбары, конюшни, хлев для скотины. При городской усадьбе держался только тот скот, что был необходим для текущих нужд. Основная часть скотины содержалась в деревенских усадьбах, которые непременно заводили состоятельные мужи.

И так как текущие нужды были большими, то в городской усадьбе держалось довольно много скота. Птица и мелкие животные свободно бродили по двору. Хотя двор и постоянно чистился, здесь было довольно грязно, висел густой запах навоза. Чтобы господа не пачкались, от ворот к боярской избе был уложен деревянный помост.

У ворот князя встретил дворецкий Сфенг, он ожидал князя и провел его в избу.

Спальная, в которой находился Сфенг, была большой, чуть меньше горницы. Это была не столько спальная, сколько кабинет: на стенах висело оружие, личное знамя боярина, пол устилала шкура огромного медведя. Занавески на окнах были задвинуты, и в комнате было сумрачно.

Лекарь у стола колдовал над флакончиками – что-то переливал, затем поднимал на уровень глаз и смотрел на просвет.

Сфенг лежал на большой массивной кровати. Он был укрыт меховым одеялом.

Навстречу Мстиславу вскочила с лавки жена Сфенга. Она была молода. Сфенг женился уже после смерти своего друга князя Звенко.

Мстислав коснулся губами ее щеки и подошел к кровати.

Сфенг был словно старый дуб, поваленный бурей. Его лицо высохло и было похоже на алебастровую маску. Глаза закрыты. Казалось, что старик уже мертв.

– Как он? – с тревогой спросил Мстислав.

Внезапно Сфенг открыл глаза, и Мстислав, застигнутый врасплох, вздрогнул.

– Я еще жив, – проговорил Сфенг неожиданно твердым голосом. Закрыв глаза. Но через секунду приоткрыл и уже слабым голосом продолжил: – Мстислав, ты был хорошим другом – заботился о дружине больше, чем о себе. Я служил тебе верно – не за злато, за любовь к тебе. Я знаю, что уже не увижу завтрашнего рассвета. Но я еще сослужу тебе последнюю службу. Я спешил к тебе потому, что узнал, что к адыгам пришли послы от грузинского царя Георгия. Адыги согласились помочь им в войне с греками. Готовься, князь, к войне.

Глава 10

От Сфенга Мстислав ушел в мрачном настроении: пророчества матери сбывались – равновесие было нарушено. Поэтому, вернувшись на свой двор, он объявил, что на завтра собирает дружину для совета.

Обычным явлением было, чтобы князь советовался с ближними боярами о государственных делах, но совет всей дружины собирался только в крайних случаях, когда вопрос шел о войне и мире.

Из-за того, что народа собиралось много и все в горнице не могли уместиться, совет проводили, несмотря на холодную погоду, во дворе.

На следующий день у крыльца чисто подмели площадку, постелили ковер, на который поставили княжеский трон. Для бояр рядом поставили лавки. Посредине разожгли костер. Простые дружинники устраивались, как могли: кто-то принес лавку; кто-то подкатил от дровяного сарая бревно; многие остались стоять.

Князь и ближние бояре должны были выйти на совет сразу после завтрака. Но пришлось им задержаться – поздно вечером из Таматархи приехал Часлав.

Утром он появился во время завтрака.

Несмотря на то, что Часлав только что вернулся из дальней дороги, лицо его было свежо и, как всегда, на нем был изысканный наряд: панцирь из отполированных металлических пластин; поверх – византийский темно-зеленый сагион; на ногах – узкие голубые штаны и красные сапоги; на руках – защитные обручи. Одежда расшита жемчугом. Металлические детали украшены чеканкой в восточном стиле.

Бояре косились на него – Часлав привез новую византийскую моду.

В руках Часлав держал небольшой сверток.

– Император Василий прислал тебе подарок, – начал Часлав и почтительно развернул сверток. В нем оказался узкий пояс из тяжелой парчовой ткани, украшенный золотыми фигурками и драгоценными камнями.

– Очень дорогой подарок, – многозначительно пояснил Часлав. – Такой пояс императоры надевают на торжественных приемах.

Византия была рядом. Но ромейские императоры не больно жаловали своих соседей. Тем более не раздаривали императорские регалии тем, кого не считали себе равными.

В 962 году правитель Германского государства Оттон был коронован в Риме папой Иоанном XII, как император римлян. Император Никифор Фока посчитал это излишним: по его мнению, Оттону хватило бы и титула короля франков. Но дело было сделано, и, чтобы не доводить дело до войны, которая была невыгодна обеим сторонам, Никифор Фока отдал племянницу Феофанию замуж за сына Оттона. Этот брак позволил бы Оттону II полноправно называться императором римлян. Императорская чета должна была получить от Никифора Фоки царское платье и регалии, но получила их только Феофания. Оттон II остался с сагионом.

Тем самым Никифор Фока показал, что не признает короля варваров, даже получившего императорский титул, равным себе. Это было всё равно, что подарить генеральский мундир без погон.

Ромеи тихо хихикали, рассматривая костюм Оттона.

Скандала этот оскорбительный поступок не вызвал только потому, что варвары не знали тонкостей византийского костюма.

Князь не мог ни при каких обстоятельствах получить подобного императорского подарка.

Хотя Мстислав и тесно общался с ромеями, тем не менее он не придавал должного значения необычному подарку.

Часлав пояснил:

– Это императорские регалии.

Мстислав пожал плечами: он не был императором, хотя русскому князю не зазорно носить императорские знаки – русы не раз вешали щит на ворота взятых ромейских городов.

– С чего это он вдруг расщедрился? – спросил Мстислав.

– Ценный подарок сделан с очень большим умыслом, – сказал Часлав, присаживаясь рядом.

– Что ты еще привез? – поинтересовался Мстислав. – Ромейские императоры неспроста дарят такие подарки.

– У меня очень важное сообщение, – проговорил на чешском языке Часлав.

Бояре прислушались.

– Говори по-русски. Тут все свои, – сказал Мстислав.

Часлав взял стакан. За его спиной встал слуга с кувшином.

– Кваса, – распорядился Часлав.

Слуга взял другой кувшин и наполнил стакан.

Часлав сделал глоток.

– Чего тянешь? – нетерпеливо проговорил Мстислав.

– Ага! – начал говорить Часлав. – В прошлом году состоялось сражение греков с болгары при Беласице. Император Василий разбил болгарского царя Самуила, при этом взяв в плен пятнадцать тысяч болгар. Пленных он приказал ослепить и отпустить на свободу, оставив на сотню по одному поводырю с одним глазом...

– Это нам известно, – нетерпеливо перебил Мстислав. – К чему этот рассказ?

Часлав сделал еще один глоток, вытер усы ладонью и проговорил:

– Войну он нам предлагает.

– С кем? – удивился Мстислав. – Он же Болгарию разгромил! Скоро будет править до самого Дуная.

– Не все в царстве Греческом благополучно. Наместник Херсона хазарин Георгий Цула поднял восстание. Император Василий решил добить хазар, – сказал Часлав.

– Ха! – воскликнул Мстислав. – А мы-то при чем тут?

– Он один не справится. Война с болгары еще не завершена, – сказал Часлав.

– Теперь понятно, отчего он шлет такие подарки. Он хочет воевать с Цулой нашими руками. Но нам нет никакого дела до Цулы в Херсоне. Он нам не мешает. У него хорошо укрепленные города, можно завязнуть в этой войне на годы. А у нас другие заботы – арабы подстрекают адыгов начать с нами войну. И как доходят известия из Новгорода, Ярослав готовится к войне со Святополком. Нельзя нам ввязываться в междоусобную войну ромеев. У нас своя война на носу, – проговорил Мстислав и обратился к присутствующим: – Что скажете, бояре, – правильно ли я говорю?

Бояре закивали головами:

– Ни к чему это нам.

Мстислав обратился к Чаславу:

– Что ж – красив подарок... но придется его вернуть.

Часлав нахмурился:

– Возвращать лорум невозможно – такое оскорбление император никогда не сможет простить. И никто из его потомков. Даже если захотят. Так мы получим себе врага на века.

– Ну, не воевать же из-за этого куса, пусть и дорогой, ткани? – проговорил Мстислав.

– Хотя это и не просто кусок украшенной ткани, но конечно... – Часлав вздохнул. – Дело у ромеев уж очень непростое. Подавив восстание Варды Фоки, Владимир отдал Херсон Византии, и император назначил нового наместника Херсона. Во главе богатой провинции обычно ставили родственников императора. Но и традицией уже стало, что, упрочив свое положение, родственники поднимали мятежи и пытались захватить императорский трон. На этот раз Васи-

лий проявил осторожность и назначил главнокомандующим фемы чужого человека – Георгия Цулу, который был другой крови. Тем самым Василий пресек угрозу для императорского трона со стороны херсонских наместников. Однако при этом он упустил из виду, что Георгий Цула хазарского царского рода. Между тем касоги, адыги и другие народы, занимавшие в Хазарии привилегированное положение, еще не забыли о своем могуществе и мечтают о восстановлении Великой Хазарии. За Каспием еще есть остатки Хазарского каганата, но они слишком далеко и слабы. А в Херсоне под контролем Георгия Цулы, хазарина по происхождению, богатая провинция. Именно с Георгием связываются надежды о восстановлении Хазарии. Печенеги и другие кочевые племена лояльны к нему. Грузины и болгары на стороне хазар. От открытого выступления до сих пор хазар сдерживал страх перед Владимиром. Но Владимир умер. Теперь хазары требуют от ромеев независимости. Тяжко нам придется, если будет восстановлена Хазария – мы окажемся в полном враждебном окружении. Поэтому в наших интересах помочь ромеям.

Мстислав, размышляя, молчал.

Часлав добавил:

– И Василий обещает еще хорошо заплатить золотом.

– Хм... Это уже другой разговор – золото нам поможет в войне с нашими врагами. Так что рискнуть можно, – проговорил Мстислав и поинтересовался: – И каков его план?

– Он хочет начать войну, как только получит от тебя согласие, – сказал Часлав.

– С Георгием Цулой надо управиться быстро; долго возиться с ним мы не можем. Но он, я уверен, точно знает о намерении ромеев начать с ними войну, поэтому всю зиму будет укреплять свои города. К лету они будут настолько укреплены, что взять их будет почти невозможно. Значит... – Мстислав поморщил лоб и выложил вывод: – Надо напасть на них тогда, когда они не ожидают!

– Верно, – раздался голоса бояр.

Мстислав повернулся к Чаславу:

– Дядька, езжай к ромеям и скажи им, что мы согласны присоединиться к ним и воевать с хазарами, если они начнут войну в конце зимы, не позже середины весны.

Часлав покачал головой:

– А как будут доставлены войска? Зимой море бурное. Потонем и мы, и они.

– Можем и потонуть. И они могут утонуть, – усмехнулся Мстислав. – Но хазары ждут нападения не раньше середины весны. Мы возьмем их нахрапом. Дело завершим до лета.

Часлав кивнул головой:

– Что ж, война – это всегда риск. У нас корабли крепкие. Плыть недалеко. А если ромеи не успеют, так мы и сами управимся.

Мстислав рассмеялся:

– Только Василий сразу пусть отдает золото. Знаем мы ромеев – они на слова щедры, а когда дело доходит до золота, становятся прижимисты. И пусть поторапливаются. Долго я их ждать не буду.

– О каких сроках с ними договариваться? – спросил Часлав.

Мстислав на секунду задумался, улыбнулся и сказал:

– В конце весны я буду их ждать в Корчеве.

У него в голове привычно мелькнула мысль, что неплохо было бы посоветоваться с хитроумной матерью, которая могла быть дать хороший совет, однако то, что мысль была привычной, и вызвало у него досаду.

«Пора жить своим умом!» – раздраженно подумал Мстислав и решительно поднялся.

– Всё! Пошли на совет, а то дружина зажала.

Выйти во двор дело пары минут. Но эти две минуты Мстислав всё равно пытался представить, какую хитрость посоветовала бы ему мать. Собственно, ответ напрашивался сам: быстро

войну можно было выиграть только неожиданными для противника стремительными действиями. Внезапность достигается обеспечением скрытности своих приготовлений.

Когда Мстислав вышел на площадь, он уже знал, что будет говорить рядовым дружинникам, а чего не будет.

На совете Мстислав говорил об опасности, в которой оказалось княжество, о предстоящей войне, но ни словом не обмолвился о походе на Херсон.

С набором войска дело тоже было решено.

Одной дружины для войны недостаточно.

Костяк войска – дружинники – это личная охрана князя, военачальники и чиновники разного уровня, личные слуги князя.

Война уже давно не была лихим разбойничьим набегом. Чтобы взять хорошо укрепленный город, требуется труд множества людей: землекопов, плотников, кузнецов, гончаров. Требовались осадные машины, корабли, транспорт. А уж без торговцев ни одна война не может обойтись. Чтобы войско могло дойти до цели, ему необходимы были дороги, мосты, паромы.

Таким образом, собиралось войско в десятки тысяч людей.

Когда дело касалось большой войны, обычно в помощь дружине войско набирали из воев по представительскому принципу – одного человека от нескольких дворов.

Это франки силой брали людей в войско, а на Руси это дело было добровольным. Война – верный источник доходов. И желающих принять в ней участие было достаточно.

Тмутаракань давно ни с кем серьезно не воевала, поэтому неудивительно, что дружинники, узнав о возможности получить хороший куш, обрадовались, но захотели, чтобы в дележе добычи приняло участие как можно меньшее количество людей. Поэтому дружинники настояли, чтобы в войско брали из простых людей только опытных охотников.

Глава 11

Под вечер поднялась метель. По белой, с червоточинами, земле змеились струи колючего снега. В трубах голодным зверем выл ветер.

Народ попрятался в избы, где печи сочились густым теплом.

Темнело рано, и ужинали при свечах.

На ужин в княжеском дворце собралось много народа. В сборе была семья: княгини Аделина и Анастасия, сын Евстафий, дочь Татьяна, Часлав с женой Авророй. Присутствовали и несколько ближних бояр – Тихон, Власий, Братша.

Пока ужинали, Милица, как обычно, читала книгу.

Когда ужин подходил к концу, Мстислав подал знак – и Милица замолчала. Мстислав проговорил:

– Дядька Часлав, утром уезжай в Константинополь и договорись с императором Василием о предстоящей войне. А я через несколько дней отправлюсь в Корчев, где займусь сбором войска.

Мстислав покосился на мать, ожидая реакции. Она должна была обидеться, так как он не говорил ей о намечаемой войне.

Мстислав знал, что она обидится, но пора было ей показать, что он давно уже самостоятельный правитель.

Аделина спокойно сделал глоток молока из стакана, затем негромко проговорила:

– Лучше войско собирать здесь – в Тмутаракани.

Мстислав удивился.

– Это почему – здесь? – спросил он.

– Ну, ты же собираешься взять Херсон нахрапом, – сказала Аделина, продолжая невозмутимо пить молоко.

– Ну и... – проговорил Мстислав. – Все знают, что я собираю войско.

– Но мало кто знает, куда ты собираешься идти, – проговорила Аделина. – Многие думают, что ты собираешься направиться на Киев.

– Зачем на Киев? – удивленно вскинул голову Мстислав.

– Потому что Ярослав же собирается воевать со Святополком, и все думают, что ты примешь участие в этой войне, – сказала Аделина.

– Вот уж глупая мысль, – пробормотал Мстислав. Однако согласился: – И в самом деле – пусть так думают. Это пригодится, чтобы скрыть наши настоящие планы.

– Вот поэтому и надо собирать войско в Тмутаракани, – проговорила Аделина.

Мстислав задумался. Предложение матери было верным. Однако... Военные приготовления скрыть не удастся: соседи обязательно узнают о том, что в Тмутаракани собирается войско. Такое большое дело утаить невозможно – чужих глаз в любом городе достаточно. Может, сбором войска далеко от Херсона он сначала и введет их в заблуждение относительно своих планов, но, когда войско придет в Таматарху, они все поймут. Да соседей спровоцирует. Сначала они насторожатся и также начнут готовиться к войне. А когда узнают, что войско ушло из Тмутаракани, то не преминут напасть на оставленную без защиты Тмутаракань. Ведь войско, готовое к войне, не может сидеть без дела...

Мстислав почувствовал радость от того, что напал на верный путь. Он бросил на мать косой взгляд.

– Замечание верное, – проговорил он. – Но не подходит.

– Почему – не подходит? – удивленно спросила Аделина, оставив пустой стакан.

Мстислав неторопливо пояснил:

– Грузинский царь Георгий давно подстрекает адыгов начать с нами войну. Адыги пока не поддаются уговорам Георгия, но, начав сбор войска в Тмутаракани, мы побудим их подумать, что готовимся напасть на них.

– Аланы нам помогут, – сказала Аделина. – Они наши союзники.

Мстислав покачал головой:

– Первинок пока не вернулся из Мааса с известиями. Но даже вести, которые он привезет, не будут иметь значения. Георгий Цула объявляет о возрождении Хазарии. Аланы в Хазарии были элитой, и вряд ли им понравится, если мы начнем войну с Георгием Цулой. Аланы не будут нам помогать. Поражение Георгия Цулы лишит их последней надежды.

– Аланы окружены врагами, которые ненавидят их больше, чем кого-либо. Если они встанут перед свершившимся фактом, то смирятся. Никуда они от нас не денутся, – проговорила Аделина.

– Поэтому войско и надо собирать в Таматархе. Тогда уж точно ни у кого не будет сомнений, что мы намерены идти на Киев, – сказал Мстислав.

– Сбор войска в Таматархе точно насторожит херсонцев, – заметила Аделина.

– Значит, надо убедить их, что мы не против них готовим войну, – проговорил Мстислав и обратился к Чаславу: – Дядька, по пути говори всем, что войско я собираю в Таматархе, потому что оттуда ближе до Киева идти.

– Я скажу тестю, чтобы он всем купцам передавал это. Пустим слух, что к Киеву пойдем на кораблях по морю, – сказал Часлав.

Мстислав снова покосился на мать. Та, казалось, утратила интерес к обсуждению похода на Херсон.

Мстислав понял, что она обиделась.

– Матушка, – обратился он к ней. – Я хотел оставить Евстафия на защите Тмутаракани, но думаю, что ему лучше быть со мной. Не согласишься ли ты управление городом взять на себя?

Аделина подняла голову. Ее самолюбие было ущемлено, хотя и понимала, что Мстислав был прав – сейчас он предлагал хороший выход из ситуации.

Аделина тяжело вздохнула, перекрестилась и проговорила:

– Сын мой, ты же знаешь, что я всегда готова тебе помочь. Но мало ли что может случиться. Если нападут, то что я буду делать?

– Город обязано защищать городское ополчение, – сказал Мстислав.

– И все же – оставь мне хоть одного воеводу.

Глава 12

Столица Алании Маас находился в трех сотнях верст восточнее от Тмутаракани. Это три дня неспешной дороги верхом на коне.

Маас представлял собой огромный по тем временам город с населением в два десятка тысяч. Он располагался в горной долине и имел хорошие защитные укрепления.

Аланы занимались земледелием, животноводством. Широко были распространены ремесла – кузнечное дело, изготовление украшений из камней и стекла. Аланы были богаты – даже шелковые ткани шли на украшение повседневных одежд взрослых и детей.

Царский дворец, находившийся в центре города, был просторен и украшен яркой керамикой, отчего даже на фоне зимней серости гляделся сверкающим драгоценным камнем.

Отвезти письмо брату от сестры мог и обычный гонец. Но за письмом скрывалось другое, более важное дело: не привлекая чьего-либо внимания, Первинок должен был выяснить настроения аланского царя и его окружения.

Такие дела требуют времени, поэтому Первинок задержался в Маасе почти до середины зимы.

Но наконец он не только выяснил всё, что ему требовалось, но и приобрел друзей, которые обещали ему сообщать обо всем происходящем в царском дворце.

Теперь можно было возвращаться домой. Первинок был уверен, что Мстислав ждет его с нетерпением.

Из Мааса выехал он рано утром. Его сопровождал десяток воев из его отряда.

Дорога была хорошо известна.

Тракт из Мааса до Тмутаракани хорошо наезжен. Тракт больше представляет собой обычную грязную полевую или лесную дорогу, только более разбитую и от этого более грязную. Тракт от других дорог отличается тем, что обозначен указательными знаками – обычно большими камнями, иногда с надписями. Вдоль тракта периодически встречаются селения, постоянные дворы. В любом доме путник мог остановиться на ночь, подкрепиться, а также подковать коней, подремонтировать повозку.

Зимой темнеет рано и так быстро, словно с неба сваливается огромная шапка. Поэтому было благоразумнее еще до наступления сумерек позаботиться о ночлеге.

Но Первинок совершил ошибку, простительную разве лишь для неопытного воя: стремясь поскорее попасть в Тмутаракань, он упрямо ехал до тех пор, пока можно было рассмотреть дорогу. В результате вскоре обнаружил, что заблудился. Поблуждав немного, при этом едва не свалившись в глубокий овраг, он приказал остановиться и расположиться на ночлег.

Заночевать в поле для воя обычное дело.

Один развел костер. Другой натаскал соснового лапника – рядом оказался лес, – которым застелил землю вокруг костра, чтобы не спать на сырой земле. Третьи принесли дров.

Коням спутали ноги и отпустили пастись. Зима в этих местах малоснежная. Ночью снег выпадает, а к полудню тает. Поэтому земля покрыта нежной низкой травой.

Вскоре темноту разорвал яркий свет костра.

Поужинав, Первинок выставил сторожевое охранение, а остальным разрешил спать.

Перед рассветом на лагерь откуда-то с запада дохнуло волной теплого влажного воздуха, такого густого, что дышать стало тяжело. В воздухе над костром мелким бисером блеснули невесомые капли тумана, а дальше все поглотила молочная темнота.

Тлеющий огонь в костре приобрел темно-красный оттенок и зачал низким полынным дымом.

Спавшие вокруг костра люди начали кашлять и шевелиться.

Проснувшись, Первинок окинул взглядом вокруг. Не заметив сторожей, подал голос:

– Эй, сторожа! Кто там спит?

– Ни-ни! – послышался голос, и в темноте проявилась фигура с копьем.

Первинок встал. Поправив одежду, он присел к костру ближе.

Вой подошел ближе.

– Спокойно было? – спросил Первинок.

– Спокойно.

– А кони? Не растеряли? В таком тумане умчишься их искать.

– Та рядом они. Их Цветан сторожит, – сказал вой, и словно подтверждая его слова, недалеко послышалось лошадиное фыркание.

Первинок подкинул в костер веток. Ветки пыхнули дымком, влага с поверхности дерева испарилась, и огонь начал разгораться.

Показалось, что стало светлее.

– Скоро рассвет, – проговорил Первинок и громко – звук голоса прогремел, словно набатный колокол, – приказал:

– Хватит спать!

Пока завтракали, стало видно, что утренний ветер согнал туман с возвышенности, на которой расположился Первинок со своим отрядом.

Небо было чистым и светилось лазурью. Низкое тусклое солнце клубилось словно живое, оттенками красного – из яркого рябинового цвета плавно перетекало в перезрелую вишню и обратно.

– Пора собираться в дорогу, – сказал Первинок, и вой, быстро закончив с завтраком, пошли ловить коней.

Первинку привел коня Цветан.

Когда Первинок садился на коня, Цветан заметил:

– Ночью, похоже, кто-то ходил по низине.

– С чего это ты взял? – удивился Первинок. – Ведь в тумане ничего не видно.

– Чужая лошадь ржала.

– Может, тарпан?

– Не-е. Я любую лошадь по голосу могу узнать.

– Ладно, – сказал Первинок. – Сейчас спустимся вниз и посмотрим, кто это там ночью блукал.

Спустившись с холма, через несколько минут они въехали в туман. Туман держался над землей слоеным пирогом, совершенно не касаясь ее.

Под туманом листья и трава были усеяны густой росой.

Маленькие и большие слезинки сверкали в слабых лучах солнца, пробивавшихся сквозь разорванные утренним сквозняком окна в тумане, словно драгоценные алмазы.

Серебристую поверхность пересекала темная полоса. Низкая трава была примята и покрыта комками грязи, выбитыми из влажной земли конскими копытами.

– Тут дорога, – сказал Цветан. – Ночью проехало десятка три верхом...

Первинок понял его – след оставил небольшой отряд. И так как отряд шел ночью, то очевидно было, что намерения у этих людей были не самые добрые.

Дороги находились под защитой аланов, однако ночью жизнь на дорогах прекращалась.

Горы заселяло множество мелких народов. У оторванных от цивилизации племен нравы были дикие. Горы давали безопасность, но мало пищи, поэтому горцы активно промышляли разбоем.

Горцы были крайне жестоки: выследив неосторожных путников, они безжалостно убивали их.

Впрочем, на дороге любые вооруженные люди несут потенциальную опасность.

– И куда же они так спешили? – вслух задал вопрос Первинок.

Цветан слез с коня и наклонился над следом. Потрогал пальцем. Пожевал губами. Закончив осмотр, поднял голову и доложил:

– Тут есть еще один след. Сухой. С вечера прошел обоз. Две повозки. Скорее всего, это были купцы. А эти, что на конях, шли позже, уже по росе. Шли весьма быстро. Похоже, разбойники искали купцов.

– Н-да... – задумчиво проговорил Первинок. – Кто-то вечером тоже заблудился. Купцы, поняв, что заблудились, наверняка на ночь остановились где-либо недалеко. Так что эти, на конях, настигли их еще до рассвета.

Он бросил взгляд на Цветана, который снова влез на коня.

– Однако надо бы посмотреть...

– Я слётаю?

– Ага! погоди, – сказал Первинок и поднял руку. – Пикша, подъедь-ка ко мне.

Один из воев подъехал ближе.

– С Пикшей поедешь, – распорядился Первинок. – Я хочу посмотреть, на кого напали воры. Разделяться не будем. Но ты, Цветан, с Пикшей иди по следу впереди. Только осторожно – чтобы не спугнуть воров. А мы пойдем следом за вами.

Цветан и Пикша тронули бока коней и двинулись вперед. Пикша – шагах в десяти впереди. Цветан – сзади. Двигались они медленно. Если гнать опрометью, то недолго нарваться и на противника. Это были разумные меры безопасности в разведке.

Цветан и Пикша проехали немного вперед. Пикшу, ехавшего впереди, скрыл туман, но Цветана было хоть и смутно, но видно.

Они немного проехали, и дорога подошла к лесу и нырнула в него.

Пикша остановился. Цветан подъехал.

Над узкой дорогой нависали ветви деревьев, отчего дорога словно уходила в темную пещеру. Лес по обочинам был завален буреломом.

Здесь тумана было меньше.

Дорога была явно малопроезжая. Заросшие травой, неглубокие колеи были полны дождевой, плохо пахнущей водой. В коричневой воде плавала разная дрянь: личинки комаров, взрослыми голодными особями которых лес изобиловал; дохлые мыши и белые, словно грязные снежные хлопья, поденки.

На мокрой дороге виднелась свежая колея и лошадиные следы. В некоторых местах виднелись и человеческие следы – след был от сапог.

Пикша посмотрел на Цветана:

– Ну что – едем дальше?

Цветан сдвинул шапку и почесал голову. Он огляделся по сторонам.

Суетливые белки, собиравшие еловые шишки на зимний запас, неожиданно наткнувшись на чудных существ, каких они почти никогда не видели, столбенели на ветках. Но, видя, что вреда от этих новоявленных обитателей леса им никакого не предвидится и они не посягают ни на лакомые шишки, ни на жизнь самих белок, в задумчивости, сидя на верхушках елей, наблюдали за ними и что-то зацокали на своем беличьем языке.

– Похоже, в лесу какая-то деревушка, – сказал Цветан и задал риторический вопрос: – Но чего купцам делать там?

– Держались дороги – дорога всегда ведет к человеческому жилью, – а по темноте и туману не заметили, как вошли в лес, – выдвинул версию случившегося Пикша.

Пока они рассуждали, подъехал Первинок.

– И чего остановились? – негодующим тоном задал он вопрос.

– Дорога уходит в лес, – сказал Цветан. – Как бы совсем не увела от тракта.

– Дорога есть – по ней и вернемся назад, – сказал Первинок.

– Тогда – вперед? – спросил Цветан.

– Вперед.

Пикша осторожно двинулся.

Через пару сотен шагов начался подлесок – признак приближающейся поляны или болота. Пикша пригнулся к спине коня. Затем остановился, прислушиваясь.

Цветан подъехал к нему.

– Что?

Пикша поднял ладонь, давая знак к тишине.

Цветан прислушался.

Где-то далеко в лесу рассыпался барабанной дробью дятел-работяга. Звонко шелестели, движимые легким ветерком, листья на верхушках кустов и деревьев. Где-то по-человечески застонала древняя, сломавшаяся под внезапным порывом ветра осина.

Вдруг ему почудился странный звук: тихо, как будто из-под земли, донесся детский всхлип.

– Дальше надо пешком, – тихо прошептал Пикша.

Цветан кивнул головой.

Пикша передал ему поводья, соскользнул с коня и опустился в сухой папоротник на земле.

По-пластунски он прополз еще с сотню шагов и оказался на краю поляны. Прячась в густой сухой траве, он наблюдал.

Поляну ограждал вал, по которому шел высокий забор из толстых бревен, заостренных сверху.

На сооружение такой стены требовалось много усилий и времени. Но жители не жалели этого – безопасность важнее.

Люди боялись не столько диких четвероногих зверей, из которых самыми опасными были волки: умные, хитрые и безжалостные твари, ненавидевшие людей больше, чем своих вечных соперников, медведей, – сколько других, самых злобных и коварных зверей – двуногих.

Они были правы: звери убивали людей, только когда были очень голодны или охраняли выводок; двуногие же убивали людей всегда, как только их видели. От зверей, зная их повадки, можно было спастись, от двуногих – никогда!

Против войска такая крепость не устоит, но аборигены лесной деревни надеялись, что высокая ограда защитит их от горцев, бродяг и прочего сброда, бродившего по земле вооруженными до зубов шайками в поисках всякого рода поживы.

Деревенские жители вооружались топорами, копьями и самодельными луками с отравленными стрелами.

Люди надеялись на высокую ограду. Не всякий варнак полезет через ограду или будет ломиться в крепкие дубовые ворота, рискуя нарваться на меткую стрелу, пущенную прямо в заросшую диким волосом харю.

И хорошо для разбойника, если стрела будет метко пущена и смерть наступит быстро, сразу утихомирив раз и навсегда искателя приключений и богатств.

Гораздо хуже, если стрела не убьет сразу вора, а, только пробив грязную кожу никогда не мывшегося, завшивленного дикаря, ранит его. Тогда его ожидает заражение крови и он будет долго гнить где-нибудь на обочине лесной дороги, заражая воздух во всей округе, пока его не растащат лесные санитары – рыжие муравьи – и не сожрут личинки мясных мух.

Но дубовая ограда для разбойников особым препятствием не была, хотя на рожон они и не лезли – обнаруженные деревни они просто жгли огнем.

Лесная дорога упиралась в деревню.

Из своей засады Пикша видел, что из-за ограды поднимался легкий дымок. В горьковатом березовом дыму чуялся тошноватый запах паленого мяса.

К нему, низко пригибаясь, подбежал Цветан.

– Ну что?

– Все следы идут в деревню. Ворота закрыты. А через ограду ничего не видно, – сказал Пикша. – Подозрительно: деревня, а тихо... Должны же люди разговаривать, собаки шуметь. И наконец, даже петухов не слышно, в деревне это удивительно! Не спят же они в это время?

– Похоже, воры захватили деревню, – сказал Цветан.

– Да... – сказал Пикша и обернулся. – А где воевода с остальными?

– В лесу ждут, – сказал Цветан. – Надо бы заглянуть за ограду.

– Щас, – кивнул головой Пикша и пополз к ограде.

Глава 13

Пикша подобрался к забору, подпрыгнул, уцепился за край, подтянулся и, быстро глянув поверх забора, прыгнул и быстро вернулся.

Пикша был молодой парень, и он еще не покрылся броней, присущей старым солдатам, хладнокровного равнодушия к чужим страданиям.

Лицо его, обычно румяное, побледнело, губы дрожали. В углах по-детски больших серых глаз чудились слезы.

Пикша срывающимся от волнения голосом прошептал:

– Цветан, там воры убивают деревенских жителей. Давай я по ним стрельну из лука?

Цветан уже предполагал, что происходило за высоким забором. След разбойников вел прямо в деревню. Ворота были целы и закрыты. Нигде не было заметно последствий какой-либо борьбы. Это свидетельствовало о том, что деревня была захвачена врасплох. Сторожа спали и проворонили появление опасности у деревни.

Ничего удивительного. Подобные случаи нередко случались даже с большими городами. Люди, живущие в постоянном страхе, привыкают к нему и теряют бдительность.

Цветан был старше Пикши, опытнее и более хладнокровен. Он знал, что горячиться ни в коем случае нельзя было: даже двум отличным лучникам справиться с двумя десятками вооруженных людей было невозможно.

– Тихо! – холодно проговорил он.

В глазах Пикши метнулось недоумение. В его глазах мелькнула ненависть к Цветану.

– И сколько их там? – спросил Цветан.

– Я видел два десятка, – неуверенно проговорил Пикша.

Цветан рассердился:

– А где у них сторожа?!

– Кони привязаны. А сторожей не видно, – проговорил Пикша.

– Надо было лучше смотреть!

– Цветан, сторожей не видно – я хорошо смотрел. Наверно, увлеклись, сволочи! – оправдывался Пикша. Он жалобно попросил: – Цветан, деревенских спасти надо – там одни женщины да ребятишки!

Цветан ледяным голосом произнес:

– Проверим.

Он подошел к забору и ножом расковырял щель между бревнами. Бревна были обмазаны глиной, но под слоем глины было заметно, что они свежие, и Цветан сделал вывод, что деревня появилась здесь не так уж и давно.

Сквозь щель он увидел несколько изб, окружавших небольшую площадь в центре. Посредине площади горел большой костер. У стены избы стояли десятка три женщин, детей и несколько стариков. Они были раздеты – в белых сорочках, лишь у некоторых были цветные платки, в которые они зябко кутались.

На земле валялись тела убитых.

Догадка Цветана подтвердилась – разбойники захватили деревню рано утром врасплох.

Видимо, все немногочисленные мужчины ушли на охоту – по лесу поодиночке ходить опасно, да и зверя, если добудешь, одному было не унести. А женщины не сторожились, думали, глухомань и посторонний сюда не забредет, а потому и сторожей не выставляли – надеялись на крепкий забор. А может, сторож и был, но под утро сморило его сном и лесники его бесшумно сняли. И крепкая ограда превратилась в ловушку для жителей, так как воспрепятствовала им разбежаться по лесу.

Теперь у жителей были связаны руки. И рты были завязаны тряпками – потому и не слышалось криков.

У разбойников были большие горбатые носы, черные бороды и бритые головы. Это были горцы.

Четверо разбойников стояли по обе стороны толпы, лениво держа копья наперевес. Они не боялись, что их жертвы разбегутся или дадут неожиданный отпор.

Главарь банды, громадный и черный, сидел в кресле перед толпой. Заметно было, что он чувствовал себя богом. Ему до безумия нравилось быть богом. Ему нравилось карать.

Между пленниками и главарем лежали два обезглавленных детских тела – мальчика и девочки. Их светловолосые головки, с застывшими в страхе глазами, лежали у ног главаря. На щеках убитых еще дрожали слезинки.

Толпа деревенских жителей от ужаса окаменела, и после перенесенного жуткого зрелища у них не было сил ни сопротивляться, ни кричать. У них не было сил даже молиться!

Главарь смеялся – ему было смешно оттого, как молча плакали дети, когда им резали шеи – ну как ягнята!

А девочка, уже с перерезанным горлышком, уже мертвая, всё пыталась одергивать задравшуюся рубашонку, неприлично обнажавшую тонкие беленькие ножки.

Палач скалил желтые большие зубы и грозил большим окровавленным кинжалом:

– Теперь я всем вам, как баранам, отрежу головы, а ваши мерзкие языки скормлю собакам! А чтобы вам и на том свете не было покоя, я сначала убью детей, затем изнасилую и убью женщин, а потом живьем сожгу стариков!

Цветан хорошо слышал его слова.

Главарь обвел толпу жутким взглядом.

– А начну я...

Тут на глаза ему попала одна из девиц. Она отличалась от других. Точеную фигуру не прятал даже накинутый поверх бесформенный балахон. У нее были длинные иссиня-черные волосы, необыкновенные большие глаза. Лицо смуглое. При этом ярко-синие глаза, обведенные черным, словно горели бешеной дерзостью.

Главарь точно запнулся об эти глаза. Он озадаченно хмыкнул:

– Хм... А это что такое? – и отдал приказ: – Махмуд, а ну-ка, тащи ко мне эту девку.

Один из разбойников вытолкнул девушку из толпы и поставил перед главарем.

– Ты кто? – задал вопрос главарь.

Девушка молчала.

– Почему молчишь? – грозно повел бровями главарь.

– Как же она может говорить, если у нее рот заткнут, – подсказал Махмуд.

Главарь усмехнулся:

– Развяжи ей рот.

Махмуд снял повязку с губ.

– Кто ты? – повторил вопрос главарь.

– Я? Я – Лолит! – смело проговорила девушка.

– Лолит? Бесовское имя... – пробормотал главарь.

Странно, но он был смущен.

– Тебя только за такое имя следует казнить...

Губы девушки тронула улыбка.

– Но ведь ты ближе к смерти, чем я.

– А ты, наверно, колдунья! – догадался главарь. – Не зря носишь такое имя...

Девушка молчала, лишь едва заметно улыбалась.

– Так что ты насчет моей смерти говоришь? – спросил главарь. – Ты мне угрожаешь?

– Да что же я могу сделать тебе? – с удивлением проговорила девушка. – У тебя меч, а у меня ничего нет. Я стою перед тобой, и мои руки связаны.

– Я не боюсь твоих колдовских чар! Ты мне ничего не сделаешь! – зло воскликнул главарь и кивнул Махмуду: – Руки ей развяжи.

Махмуд замешкался:

– Может, не надо. Она ведь колдунья.

– Развязывай! – раздраженно бросил главарь. – Чтобы сделать зло, колдунье рук не надо.

Махмуд пожал плечами и осторожно, стараясь не касаться девушки, скинул путы.

Лолит потеряла затекшие запястья.

– Так что ты насчет моей смерти нагадала? – спросил главарь.

Лолит пристально взглянула в его глаза.

– В твоих глазах поселилась смерть, – холодным голосом проговорила она.

Главарь побледнел, но справился со своими эмоциями. Он криво усмехнулся:

– Я тоже могу предсказывать судьбы людей. Но не потому, что мне их подсказывает дьявол, а потому, что я сам вершу судьбы людей. Я знаю твою судьбу. За обещание мне несчастья я тебя убью.

Лолит пожала плечами.

– Твоя смерть гораздо ближе, чем ты думаешь.

Она на мгновение задумалась и проговорила:

– Нет. Я ошибаюсь.

Главарь повеселел.

Но рано он радовался. Лолит проговорила:

– Я действительно ошиблась – ты уже мертв!

Глава 14

Цветан отшатнулся.

– Надо рассказать боярину, – сказал он Пикше и, низко пригибаясь, побежал в лес.

Забегав за деревья, Цветан уже бежал во весь рост. Увидев привязанных к деревьям коней, он подбежал к ним.

Здесь ждал Первинок с остальными воями.

Обычно дружинники путешествовали без доспехов – так было легче. Доспехи надевали перед боем. Но они были в доспехах.

Задыхаясь, Цветан коротко сообщил ему о происходящем.

Внешне он был холоден как айсберг, затаивший девять десятых своей громадины в черной ледяной воде, – и горе тому, кто окажется рядом, когда ледяная гора покажет себя всю, но в сердце точно занялся лесной пожар...

– Однако эта земля не наша... – задумчиво проговорил Первинок.

– Позвать назад Пикшу? – задал вопрос Цветан.

– Нет! Не по-божески оставлять людей в беде! – сказал Первинок. – Надо помочь им!

Он направился к деревне. Следом за ним поспешили вои. Подойдя к ограде, они на секунду остановились.

– Где посмотреть? – спросил Первинок Пикшу.

Тот показал ему щель. Бросив взгляд в щель, Первинок увидел, что главарь разбойников стоит с мечом в руке. Двое разбойников, заламывая руки девушке, наклонили ее. Ее волосы, смоляными ручьями упав на землю, обнажили белую тонкую шею.

Главарь примерился мечом.

– Пора! – сказал Первинок. – Что с воротами?

– Ворота заперты, – сказал Пикша.

– Тогда перелезем через забор и побьем их стрелами, – сказал Первинок.

Умение преодолевать преграды и взбираться на крепостные стены у дружинников было отточено до совершенства. Острог, ограждающий деревню, был невысок, поэтому вои преодолели его за несколько секунд.

Оказавшись на другой стороне, они тут же начали стрелять из луков и первыми же выстрелами перебили половину разбойников.

Остальных добили мечами и ножами.

Всё произошло в мгновение ока. И мало кто из разбойников успел даже понять, что произошло.

Главарь разбойников глядел на происходящее остекленевшими глазами.

Наконец он всё понял. Но вместо того, чтобы ввязаться в бой, он так быстро бросил кинжал, как будто только что внезапно обнаружил в своих руках ядовитую змею, и метнулся к лошадям у коновязи.

Первинок пустил ему в верхнюю часть ноги стрелу. Споткнувшись, главарь разбойников упал. Его коричневые собачьи глаза залились потоками слез, и он поднял вверх руки и тонко, по-женски, заголосил:

– Не убивайте меня!

Два воя подняли главаря за шиворот и подтащили к Первинку.

Первинок приказал:

– Освободите деревенских и отдайте им эту сволочь.

Главарь бросился обнимать ноги Первинка. Он по-собачьи скулил:

– Не отдавайте меня этим свиньям. Вы, как и я, настоящие воины. Черни не подобает судить меня. А я вам пригожусь.

Первинок ногой брезгливо отпихнул главаря:

– Как смеешь ты называть себя воином, ты – грязный убийца беззащитных людей? Ты, мразь, не имеешь права не только ходить по земле, но и дышать ее воздухом! Пусть судят тебя люди!

Два старика подошли к главарю разбойников и потащили его к костру на казнь, недавно готовившуюся, безжалостным убийцей для них самих.

Главарь не сопротивлялся – страх отнял у него силы и теперь он был похож на пустой мешок.

Первинок подумал, что этот разбойник хладнокровно убивал людей. Но он никогда не думал, что и его самого могут убить. Но теперь тиран, несколько минут назад считавший себя богом, вдруг вспомнил, что у него есть жена, дети – две девочки и мальчик. Он их любил. Но он и не подумал вспомнить хотя бы одного из убитых им детей и женщин, как не помнил зарезанных им на шашлык овец. Ему было больно. Ему было очень жалко себя. Только себя.

Глава 15

Покончив с разбойниками, Первинок не стал задерживаться в деревне. Деревенским было не до гостей – над деревней висел один густой стон.

Выяснив у стариков, как выехать на большой тракт, Первинок приказал выезжать.

Туман спрятался в лесных зарослях. Небо очистилось от туч. Поднявшееся над лесом солнце освещало почерневший лес холодным светом. Редкие красные и оранжевые пятна впавшей в зимний сон рябины наводили грусть.

В дальней дороге, чтобы не было скучно и чтобы легче переносились тяготы пути, путники разговаривают между собой, кто-либо веселит других шутками-прибаутками, кто-то потихоньку поет. Сейчас ехали молча. Лица воев были темны и задумчивы. Тишину разрывал лишь треск случайной ветки, скрип старого дерева или шуршание прошлогоднего сухого листа. Да вдруг бесстыдно взрывался барабанной дробью дятел. Но эти звуки лишь подчеркивали тишину.

Память с ненужной услужливостью извлекала из своих глубин страшные картины: рев разъяренной толпы, перекошенные в злобе звериные лица, огонь, кровь – всё, что происходило с ним почти четверть века назад.

Это было странно – Первинок тогда был несмышленным ребенком и не мог ничего запомнить. Люди не помнят того, что произошло с ними в младенчестве. Он даже имени своего не знал. Но страшные картины стояли в его глазах, словно случились вчера.

Убивать человека – противоестественно. Удовольствие от убийства себе подобного может получать только ненормальный человек – преступник, с разрушенными моральными устоями, не имеющий никаких принципов.

Но мир так устроен, что люди вынуждены убивать людей. Это обязанность воина, который должен защищать свой дом, своих жен, своих детей, свою страну. Это профессия.

Когда выехали из леса и взгляду открылось поле – оно было покрыто зеленым нежным пухом зимней травы, – на сердце стало легче.

Первинок остановил коня, оглянулся на оставшийся за спиной темный лесной туннель и озадаченно пробормотал:

– И зачем люди селятся в такой глуши?

– В лесу маленькой деревне безопаснее. Зверь человеческое жилье обходит, а лихим людям найти в большом лесу такую деревню почти невозможно. Да и взять с такой деревни почти нечего, – пояснил ехавший рядом вой и поинтересовался: – А что будем делать с девчонкой?

Первинок опешил:

– Какая еще девчонка?

В глазах воя мелькнула смешинка.

– Как – какая? Которая крадется за нами от самой деревни! – Он показал рукой на опушку леса. – Она прячется во-о-он там, в кустах!

Первинок рассердился:

– А чего раньше молчал? Надо было ее сразу прогнать!

Вой ослепительно улыбнулся:

– Да как-то случая не было. Я думал, а вдруг на что пригодится – дивчина ну очень-очень симпатичная!

Первинок поморщился – если с каждой девчонкой разбираться, то вовек не приедешь домой. В другое время он бы даже не обратил на нее внимания. Но нахлынувшие на него воспоминания о детстве размягчили его.

Вой улыбнулся:

– Воевода, не волнуйся! Деваха, похоже, умная – она шла так тихо, что даже я с трудом ее заметил.

– Тем более! – рассердился Первинок.

Он почувствовал холодок в груди – если девчонка кралась за ними, то... Надо выяснить, зачем она пошла за его отрядом – вдруг это вражеский соглядатай? Когда война на носу, следует быть особенно бдительным!

Первинок вздохнул: но тогда придется решать, что делать с ней. И решение может быть жестоким, а ему не хотелось сегодня снова проливать кровь. Но во время войны все решения жестокие.

Первинок отдал приказ вою:

– Тащи ее сюда. Только без криков...

Вой подъехал к опушке леса и, не доезжая трех десятков шагов, остановился и, взгляды-ваясь в красноватые заросли тальника, помахал рукой и крикнул:

– Эй, девка, иди сюда!

Никто не вышел.

Вой снова крикнул:

– Не бойся, мы тебя не обидим!

Заросли зашевелились, и в них показался человек, державший в руке повод небольшого коня. Лицо его было тонко и нежно. Он был одет в грязные звериные шкуры, за спиной виднелся лук, а на поясе висел большой охотничий нож в ножнах, отделанных серым беличьим мехом. Благодаря такому наряду заметить его в лесу было нелегко. Одеждой он походил на мальчишку, но длинные черные волосы, выбивающиеся из-под шапки, свидетельствовали, что это была девушка.

Она приблизилась к Первинку, всё так же крепко держа лошадь за узду. Лицо ее было грязно, но Первинок ее узнал – эта была та девушка, которую они спасли от разбойников.

Он притворно строго спросил:

– Ты кто? И почему идешь за нами?

Девушка испуганно сказала:

– Я Лолит.

Первинок отметил, что она говорила с акцентом.

– Я слышал это, – сказал Первинок. – Ты – предсказательница.

Лолит поклонилась:

– Могу и предсказывать. Еще могу точно стрелять из лука.

– Это каждый может! – усмехнулся Первинок.

Лолит выхватила стрелу из колчана, вскинула лук и пустила стрелу вверх. Откуда-то из серого неба камнем свалился взъерошенный комок. Это была пролетавшая мимо ворона.

– И другие могут стрелять из лука... но не так, как я, – с долей хвастовства проговорила Лолит.

Первинок согласился – сбить птицу на лету не так просто.

Лолит проговорила:

– Иду я за вами, потому что мне больше некуда идти. В деревне я чужая. Делать мне там нечего. Моя родня и друзья погибли. Сама едва спаслась.

– Понятно, – сказал Первинок и поинтересовался: – И как же ты оказалась в этих глухих местах?

– Мы – веселые люди. Странствуем по городам и селам – танцуем, шутим, поем песни. Я владею искусством магии. А еще стреляю из лука. – На глазах Лолит блеснули слезы: – Стреляла... Вчера мы задержались в дороге. Когда наступила темнота, мы заблудились и свернули не туда. Нечаянно попали в эту деревушку. А утром на деревню напали разбойники. Все наше имущество пропало. – Лолит погладила лошадь по шее. – Вот только Светлана и осталась...

Лолит всхлипнула.

– Не реви! – строго проговорил Первинок. – Терпеть не могу женских слез!

– Все мужчины не любят женских слез, – снисходительно согласилась Лолит.

– Ага! – кивнул головой Первинок. – И чего ты теперь хочешь от нас?

– Возьмите меня с собой, – попросила Лолит. – Ты человек добрый и мудрый. А одна я пропаду.

– Зачем же ты мне нужна? – удивленно проговорил Первинок.

– Я петь могу, – сказала Лолит и громко затянула: – Миленький ты мой, возьми себя с собой! Там, в краю далеком, буду тебе женой!

– Тихо! – поперхнулся Первинок. – Жена у меня есть. А служанкой ты не будешь... Я вижу это по твоему характеру.

– Ну что ж... – Лолит взялась за седло, чтобы залезть на лошадь.

У нее был такой удрученный вид, что сердце Первинка дрогнуло.

– Ладно. Погоди, – сжалился Первинок, досадуя на себя, что берет себе лишнюю обузу. – Я возьму тебя с собой. Сначала поживешь на моем дворе, а дальше видно будет.

Глава 16

Сбор войска был назначен в Таматархе.

Опасаясь нападения с востока, Мстислав тянул с отъездом из Тмутаракани. Хотя Мстислав и считал, что известия, которые привезет Первинок из Алании, никак не повлияют на его планы, однако он решил дождаться его. Так душе было спокойнее.

К счастью, Первинок быстро вернулся, и при этом его известия оказались добрыми – аланы не собирались воевать на стороне Георгия Цулы. Они не были готовы к войне.

На следующий же день Мстислав отбыл из Тмутаракани и через несколько дней был в Таматархе.

Вернувшись во дворец, в котором прожил долгие годы, Мстислав вдруг почувствовал в душе тоску по прошлому.

Хотя и был он в этом городе изгнанником, которому из жалости дали удел в управление, но он был счастлив, счастлив, потому что занимался тем, чем хотел. Он не принимал самостоятельных решений, а потому не лежал на его плечах груз ответственности за них. Он был более свободен, чем сейчас, когда стал полновластным хозяином.

На второй день Мстислав устроил пир для горожан.

Часлав был в отлучке, но на пир пришла его жена Аврора с сыном Алексеем, а также тесть Александрос.

Аврора летнее время обычно проводила в Таматархе в родительском доме. Часлав хотел поставить в Таматархе свой дом, но Александрос заявил, что так как он стар, а Аврора его единственная наследница, то нет смысла тратить деньги на строительство еще одного дома.

Аврора была прелестна. В ней было все, что ценят мужчины, – стройный стан, приятное лицо с прямым благородным носом, блестящие черные волосы, горящие огнем черные глаза.

Аврора и Анастасия были подругами.

У сына Часлава были огненно-рыжие волосы. Неудивительно – потомство черноволосых и светловолосых часто рождается рыжеволосым.

Алексей был сверстником Евстафию, и они обычно вместе проводили время.

Александрос сильно постарел. Два десятка лет назад, когда Мстислав увидел его в первый раз, он был худощав, смугл, с густой шапкой черных кучерявых волос. Сейчас погрузнел, полноту не скрывала и свободная парадная одежда. А от густых волос не осталось и напоминания: чтобы скрыть плешивость, Александрос брил голову.

После традиционных здравниц между Мстиславом и Александросом завязался разговор.

Разговор начался с того, что Мстислав подал знак, чтобы Александрос подошел.

Когда тот приблизился, Мстислав пригласил Александроса присесть рядом и поинтересовался у него торговыми делами, и в частности ценами на хлеб.

Интерес Мстислава не был случаен. Князь является главным лицом в торговых отношениях с другими странами.

Византия в результате неудачных войн с арабами в конечном итоге потеряла египетские владения, являвшиеся тысячи лет хлебной житницей сначала Римской, а затем и Византийской империи. Выращиваемого на оставшихся территориях зерна не хватало, что повлекло за собой голодные бунты.

Образовавшуюся нишу удалось возместить за счет поставок из славянских земель. Поэтому закономерно, что большую и выгодную торговлю князь немедленно взяли под себя.

Наиболее подходящая территория для выращивания высококачественной пшеницы – Северный Кавказ. Естественные пути поставки зерна с Северного Кавказа в Византию проходили через арабские территории либо через Грузию.

Арабский халифат и Грузия наглухо перекрывали поставку зерна своему противнику. Оставался путь через дружественную Византии Тмутаракань. Таким образом, Тмутараканское княжество было одним из главных поставщиков зерна в Византию.

Хотя больший объем товаров Александроса составляло вино, однако торговал он и пшеницей.

Александрос пожаловался:

– После того как император Василий побил болгар, боюсь, как бы цены на зерно не упали. Теперь под власть императора попали богатые хлебные угодья.

Мстислав утешил его:

– Я желаю победы императору Василию. Но война с болгарями еще не закончена. А пока война не закончится, цены не упадут. Многих крестьян, взяв в войско, оторвали от земли – а кто будет пахать землю? Некому! А войско надо чем-то кормить.

– Да-да! – согласился Александрос и предложил: – Князь, ты собираешься в дальний поход, а я могу стать твоим поставщиком.

Мстислав взглянул на него:

– Александрос, что ты предлагаешь?

– В первую очередь греческое вино...

Мстислав кивнул головой.

– Могу предложить сушеное и соленое мясо, рыбу, – проговорил Александрос.

Мстислав заинтересовался:

– Сушеное и соленое мясо? Рыбу? А цена?

– Я поставлю дешевле, чем другие.

– Хорошо. Скажи об этом деле Первинку.

Александрос взглянул на Мстислава и тихо проговорил:

– Могу еще кое-что предложить. Гораздо более ценное, чем вино или соленая рыба.

– И что же? – спросил Мстислав.

Александрос наклонился к его уху и тихо проговорил:

– Греческий огонь...

Греческий огонь был самой большой тайной Византии, поэтому Мстислав мгновенно насторожился.

– Ты говоришь о том, что я слышу?

– Да, – кивнул головой Александрос.

– Но это же тайна...

– Император готов передать секретное оружие своему другу, если оно будет использовано против его врагов.

– Ты о чем?

– Я знаю о твоей истинной цели. Ты идешь...

– Не стоит об этом говорить вслух, – перебил его Мстислав. – Лучше скажи, когда я получу греческий огонь.

– Его тебе привезет Андроник. Он даст тебе его столько, чтобы хватило на войну за Киев.

Мстислав хотел сказать, что за Киев он не собирается воевать, но вовремя вспомнил, что собирает войско под предлогом похода на Киев.

– Откуда ты это знаешь? Часлав ведь еще не вернулся из Византии.

– Это дело давно решено.

– Понятно, – проговорил Мстислав.

Александрос вновь склонился к уху Мстислава:

– Прости – дам совет.

– Слушаю.

– Лучше собирай войско в Корчеве.

– Зачем? – удивился Мстислав. – Я же не собираюсь идти по суше. По воде удобнее и быстрее.

– Херсонес...

Мстислав бросил на Александроса недовольный взгляд.

– Прости – сорвалось с языка, – покраснел Александрос, но мысль продолжил: – Это хорошо укрепленный город. Чтобы взять его, потребуются тяжелые осадные орудия. Зимой море беспокойно, и тяжелый груз нелегко будет довести. Всё может сорваться. А дорога по суше, вдоль берега, надежнее, потому что от погоды не зависит, – проговорил Александрос.

– Если они узнают, что я переправляю войско в Корчев, то они насторожатся, – сказал Мстислав.

– Ничего они не заподозрят. Все уверены, что ты собираешься идти на Киев.

– На Киев дорога идет по морю, – проговорил Мстислав. – Как я объясню, зачем мне нужно войско в Корчеве?

– Говори, что в Таматархе мало места для сбора войска.

– Я понял, – сказал Мстислав. – Но об этом плане никому даже не намекай.

– Хорошо, – сказал Александрос.

– Ну, на этом хватит о делах – веселись, старшина, – проговорил Мстислав, давая знак, что он завершает разговор с Александросом. Александрос поднялся и ушел.

Мстислав обратился к сидевшему рядом Тихону, который делал вид, что не слушает разговор князя с греком:

– Тишка, слышал, о чем мы говорили?

– Слышал, – кивнул головой Тихон.

– И что скажешь?

– А то и скажу, что наши планы недолго останутся тайной. Как ты, князь, и говорил: если Корсунь не взять налетом, то мы втянемся в затяжную войну, – сказал Тихон.

– А совет Александроса?

– Зря только будем людей гонять через пролив. Тут расстояние около пяти верст, но течения в проливе нехорошие. Погода между Таматархой и Корчевом неустойчива. Зимой здесь дуют очень холодные северо-восточные ветра, они гонят лед из Азова, из-за этого пролив, хоть и не на долгое время, замерзает. Торосы помешают переправиться через залив ранней весной. Хотя... – Тихон на секунду задумался и добавил: – Хорошую погоду можно подгадать и переправиться.

Мстислав кивнул головой и задумался. Через минуту рассудил:

– При императорском дворе нет места простодушию. Владимир уже помогал императору, взяв Корсунь. Я не думаю, что Георгий Цула, узнав о наших военных приготовлениях, не предположит, что мы готовимся напасть на него. Если Александрос знает, что Андронику поручено подавить мятеж в Корсунь, то это может знать и Георгий Цула. Обязательно должен знать – у него есть сторонники во дворце. Греки сильные стратеги. Георгий Цула учился военному искусству у греков, поэтому он и должен думать как они. Он должен думать, что мы нападём после того, как соединимся с Андроником. Но у греков принят порядок – начинать войну в середине весны и возвращаться в конце лета. Цула так и должен думать. Поэтому я хочу начать войну еще в конце зимы. Поэтому я поручил сказать императору, чтобы тот прислал войско для подавления Корсунского мятежа поскорее. Но вот у меня возникло сомнение: не зря ли мы будем ждать войско Андроника? Если они выйдут как обычно, то война с Цулой окажется затяжной и мы положим множество людей. Я не хочу, чтобы гибли наши люди за чужие интересы. Разгорается война междоусобная, и войско нам еще пригодится.

– Может, нам отказаться от войны с Цулой? – спросил Тихон.

– Мы дали слово, отказываться от него не в наших обычаях, – сказал Мстислав.

– Даже если исполнение его нанесет нам вред? – спросил Тихон.

– Даже! – сказал Мстислав.

– Ты что-то решил, – предположил Тихон.

Мстислав тихо рассмеялся:

– Мы сделаем то, что и собирались сделать. Если к началу весны войско греков не подойдет, то мы сами нападём на Корсунь.

– А справимся ли мы?

– Справимся. Мы последуем совету Александроса, но только частично. План будет таков: мы переправим небольшую часть войска в Корчев, и оттуда они пойдут к Корсуню пеше. Пусть Цула думает, что это всё наше войско. Как стратигу, ему будет соблазнительно разбить наше войско до того, как мы соединимся с Андроником. Поэтому он выйдет из города всеми силами навстречу нашему войску. Нам это и надо будет. Оставшейся частью войска, которую мы отправим на кораблях, мы отрежем ему дорогу назад. Цула не выдержит удара с двух сторон. Корсунь будет наша до того, как подойдет Андроник. А когда он подойдет, мы свое слово сдержим – отдадим ему Корсунь.

– Да, нам и трех дней хватит, чтобы разграбить город! – довольно крикнул Тихон и поинтересовался: – Кто пойдет сухим путем?

– Для начала переправим тяжелое вооружение, – сказал Мстислав. – А чтобы Цула думал, что по суше идет основное войско, я сам возглавлю этот отряд.

– Отец, можно я возглавлю запасный полк? – спросил Евстафий, слушавший разговор отца.

– Нет! Это опасно. Ты пойдешь со мной, – сказал Мстислав и обратился к Тихону: – Тишка, ты возьмешь охотников и пойдешь морем.

– Хорошо, – сказал Тихон. – Я сделаю это.

Глава 17

К началу января основная часть войска собралась в Таматархе. Погода стояла хорошая. Ночью было ясно: луна светила, словно огромный фонарь; звезды горели яростными хрустальными искрами. Теплый воздух пах морем. Но во второй половине ночи северный ветер начал загонять на небо дымку, звезды и луна померкли, а затем и вовсе исчезли. Рассвет ожидался сырым и мрачным.

После того как петухи звонкими фанфарами объявили утро, в окнах княжеского дворца сначала скользнули тусклые огоньки, затем они пожелтели.

Из труб тянуло дымком, и в воздухе текли кислые струи запаха печеного хлеба.

После завтрака Мстислав вместе с Евстафием зашли в гридницкую, где Тихон по утрам собирал старших дружинников.

Тихон сидел за столом в большой комнате. С правой стороны на лавке сидели воеводы – Братша и Власий. Остальные дружинники стояли во дворе. Те, у кого было задание, заходили в комнату и, дождавшись своей очереди, сообщали о результатах выполнения ранее данных им заданий. Если кому-то надо было дать задание, его вызывал к воеводе один из стоявших у входа юнаков.

Мстислав и Евстафий пришли в гридницкую, когда почти все дружинники разошлись.

В гридницкой было пусто. Слуга стоял с кувшином в руках. Горячий сбитень густо источал аромат меда, смешанного со специями: хмелем, корицей, гвоздикой, имбирём, перцем, мускатным орехом и лавровым листом.

Увидев князя, Тихон сдвинул лежавшие на столе бумаги в сторону.

Слуга поставил на стол кувшин. Затем принес и поставил деревянные кружки. Налив в кружки сбитень, удалился.

Мстислав и Евстафий сели за стол.

Мстислав взял кружку и стал пить маленькими глотками горячий терпкий напиток. Евстафий, держа кружку в одной руке, другой перебирал бумаги.

Братша и Власий подсели к столу.

Тихон негромко заметил:

– Однако, северо-восточный ветер задул. Завтра будет очень морозно.

Мстислав кивнул головой:

– Приморозит.

– Думаю, что через неделю море будет покрыто толстым льдом. Можно будет в Корчев на санях переправляться, – заметил Братша.

Мстислав сделал глоток. Затем неторопливо проговорил:

– Это нехорошо – если залив покроется льдом, то кораблям не выйти из нее.

– Вот я и говорю о том, – проговорил Тихон. – Если лед встанет, то надолго. Ветер будет забивать пролив торосами. Корабли не пройдут. Опасаюсь, что сорвутся наши планы.

Мстислав взглянул в окно. Ветер нес поземку.

– Ты прав, – проговорил Мстислав. – Пока море льдом не покрылось, надо перевозить войско на тот берег.

– Как только мы перевезем войско на тот берег, корсунцы насторожатся. Нельзя нам держать войско в Корчеве, – заметил Власий.

– Ничего не заметят! – возразил Тихон.

– Верно говорит Власий – обязательно заметят, – сказал Мстислав.

– И что, если заметят? – сказал Братша. – Что они сделают?

– С чем я соглашусь, так с тем, что в Корчеве нельзя держать войско без дела, – проговорил Тихон.

Мстислав покачал головой:

– Мы думали, что, пока будем собирать войско, Часлав вернется из Константинополя и прояснится вопрос с действиями греков. Но он не вернулся. Как начинать войну без греков? Надо дожидаться возвращения Часлава.

– Промедление будет против нас, – сказал Власий. – Узнав, что мы выходим против него, Георгий Цула попытается разбить своих противников по частям: сначала нас, потом Андроника.

– И пусть выходит! – бросил Тихон. – Надо, чтобы он вышел. На этом мы его и поймаем. Мстислав снова бросил взгляд в окно и решительно проговорил:

– А чего нам ждать прихода Андроника? Мы все равно намеревались начать войну в начале весны, даже если греческое войско не придет.

– Да как-то по обычаю не принято вести войну зимой, – сказал Братша.

– И зря, – проговорил Тихон. – Скоро морозы прихватят обмякшую после осенних дождей землю – и она станет тверже камня. А по твердым дорогам легко везти тяжелые осадные орудия. От Корчева до Корсуни было около трех сотен верст. По хорошей дороге для медлительного обоза самое большее – неделя пути. А с началом весны дороги снова размякнут. Так что нет смысла ждать весны. Мы и не будем ждать! Как только мы переправим войско, так сразу надо начинать войну.

– По свободной воде на кораблях до Корсуни мы дойдем за пару дней, – сказал Братша.

Мстислав отставил кружку:

– Значит, так. Собирайте совет дружины! Завтра начнем переправу в Корчев. И готовь корабли к выходу на Корсунь. Разделим войско на три части. Передовой полк вытянет корсунцев из города на себя, засадный полк на кораблях ударит по ним сзади. А третий полк тем временем возьмет Корсунь с налета. Они не будут ожидать сейчас нападения.

Евстафий поинтересовался:

– Может, я возглавлю третий полк?

Мстислав взглянул на него:

– Опасно.

– Я не раз ходил по морю на кораблях, и все обходилось, – сказал Евстафий.

– Я не об этом, – проговорил Мстислав.

– И что же тебе мешает мне дать полк?

– А если Цула оставит в Корсуни бóльшие силы, чем мы предполагаем?

Евстафий обиженно скривил губы.

– Ты мой единственный наследник, и я не могу и не хочу тебя подвергать ненужной опасности, – проговорил Мстислав. – Тебе надо учиться быть стратигом. А стратигу совсем не нужно махать мечом. Его оружие – ум.

– А сам-то любишь помахать мечом, – проговорил Евстафий.

Мстислав улыбнулся:

– Евстафий, мне можно рисковать – у меня есть наследник. А у тебя наследника нет. Да и к тому же я это дело уже поручил Тишке. Так что разговор на этом окончен.

Глава 18

После обеда прошел совет дружины. Споров не было – план князя был принят безоговорочно. Мстиславу очень хотелось самому возглавить отряд, который будет брать Корсунь. Однако он понимал, что любой полководец считает, что главная опасность исходит для него от той части войска, которую возглавляет предводитель противника. Пришлось Мстиславу взять на себя передовой полк, который будет двигаться по суше от Корчева к Корсуню.

Погрузку на корабли начали с вечера. Северо-восточный ветер усиливался. К утру ударил сильный мороз.

Мстислав на пристань пришел до рассвета и теперь с тревогой смотрел, как свинцово-серая волна тяжело била седыми лохмами о борта кораблей и покрывала корабли коркой льда.

Мстислава мороз не страшил. Если пролив покроется льдом, то через неделю через залив можно будет переправляться, как по суше. Это будет еще удобнее. Однако была другая опасность, которая могла сорвать задуманный план.

Мстислав заметил распоряжавшемуся погрузкой Тихону:

– Надо торопиться. Сегодня твой полк должен выйти в море. Если сегодня ты не выйдешь в море, то завтра пролив покроется льдом. Через лед корабли не проведешь. Сорвется дело.

– Мы выйдем до вечера, – уверенно сказал Тихон и кинулся к воям. – Пошевеливайтесь, ребята! Пошевеливайтесь.

Несмотря на беспокойную волну, переправа через пролив прошла споро. К середине дня корабли засадного полка во главе с Тихоном отчалили от пристани и, придерживаясь берега, пошли на запад.

Мстислав облегченно вздохнул.

И передовой полк почти весь был уже в Корчеве. Осталось только переправить тяжелые осадные орудия. Но по плану Мстислава осадные орудия не требовались, поэтому он приказал отложить их переправу и сам отправился в Корчев.

Все складывалось необыкновенно удачно. Но Мстислав не спешил. Он велел войску остановиться на ночевку на дороге за Корчевым. Утром войско медленно двинулось вдоль берега в сторону Корсуни.

Мстислав умышленно сдерживал войско, так как для успеха его плана требовалось, чтобы Цула вывел свои силы навстречу, а для этого ему требовалось дать время.

От Корчева до Корсуни даже не торопясь можно было дойти за два-три дня. Войско Мстислава тянулось целую неделю. Но уловка удалась – когда до Корсуни осталось не более дня пути, впереди передовые отряды вышли на лагерь корсунцев.

Глава 19

Георгий Цула не был бесшабашным авантюристом.

Он хорошо рассчитал и проделал большую работу, прежде чем поднять мятеж.

Для начала он убедился в поддержке родственных хазар, давно мечтавших о возрождении каганата. Затем договорился о помощи с печенегами, контролировавшими степь. Не оставил без внимания и Грузию, через которую привлекал на свою сторону и адыгов.

Попытался провести переговоры с аланами. Аланы с одобрением принимали идею возрождения Хазарии, однако ввязываться в войну не хотели. Нежелание воевать объяснили: в союзники Цулы присоединились Грузия и адыги, с которыми у аланов напряженные отношения, между тем как с Византией отношения дружеские. Разумно ли ссориться со старыми друзьями и заводить дружбу с врагами?

Разумно!

Но Георгий Цула прекрасно понял, что скрывалось за разумными словами аланского царя: прежде чем ввязаться в свару, Гавриил хотел посмотреть, чем закончится первое столкновение херсонцев с ромеями, и убедиться, что Цула способен серьезно противостоять императору.

Выслушав сообщение посла, Цула разразился раздраженной руганью, – проклятый шакал!

Но затем успокоился – в конце концов, аланы не встали на стороне императора. И за это – спасибо!

Просчитал Георгий Цула и реакцию императора.

Положение Византии было не самым лучшим. С востока на Византию – Романию наседали арабы. Они висели дамокловым мечом.

На западе болгарские князья почему-то считали, что именно они имеют право на императорский трон в Византии. В многочисленных столкновениях болгары имели успех. Но к ромеям пришла неожиданная помощь оттуда, откуда они ее не ждали: им помогли извечные враги – славяне.

Но, несмотря на погром болгар, устроенный князем Святославом в 968 году, затяжной конфликт греков с болгарами на том не закончился.

В 1016 году воинственный император Василий, уже развязавший войну за Армению и Иберию, поняв, что распыляет силы, для начала решил поставить точку в войне с болгарами и повел решительное наступление на столицу Болгарии Охрид.

Конечно, не было сомнений, что император не оставит мятежный Херсон в покое. Но в данный момент средства для подавления мятежа в отдаленном Херсоне у него были существенно ограничены.

На стороне Цулы была и природа. Доставка войск из Византии к Херсону могла произойти только по морю. Но плавание по морю зимой опасно даже для опытных мореходов.

Таким образом, хотя император Василий не соблюдал правила стратегии, выработанные тысячелетиями войн, его войско к Херсону могло подойти не раньше середины весны.

Учел Цула и последнюю опасность. Самую серьезную. Император заключил союз со славянами. Те совсем недавно уже брали Херсон. Но после смерти Владимира на Руси разгорелась междоусобная война.

Князь Тмутараканский не участвовал в борьбе за киевский трон, однако Георгий Цула был уверен, что это ненадолго. Он уже слышал о том, как Ярослав подсылал убийц к Мстиславу. Та попытка не удалась. Но логично было полагать, что оставлять в живых конкурентов на трон крайне неразумно, поэтому любой правитель в первую очередь подчистую вырезал свою родню.

Известие о начале сбора Мстиславом в Таматархе войска насторожило Георгия Цулу, но не удивило – это подтверждало его предположения, что Мстислав не останется в стороне от междоусобицы.

До весны, когда начинались боевые действия, было еще далеко, однако столь раннее начало подготовки к выходу в поход славян было понятным – в Киев из Тмутаракани можно было добраться двумя путями: либо по Дону, либо по морю, а затем по Днепру.

Славяне использовали стратегию, в основе которой лежал стремительный маневр. Днепр освобождался ото льда раньше, чем верховья Дона, поэтому по Днепру можно было оказаться в Киеве раньше, когда Мстислава там не ждали.

Цула заподозрил неладное, когда узнал, что Мстислав переправил часть войска в Корчев.

Купцы, побывавшие в Корчеве, говорили, что Мстислав утверждал, что переправляет войско в Тавриду только для того, чтобы сухим путем через степи пойти на Киев.

Георгий Цула этому не поверил – на Киев по суше проще было идти через Саркел. Зато из Корчева до Херсона было рукой подать.

Встречать Мстислава у стен Херсона было бы фатальной ошибкой – славяне хорошо умели брать города. И даже если они не будут торопиться с взятием города, то после того, как славяне и императорские войска соединятся, никакие городские стены перед ними не устоят. Князь Владимир это уже доказал.

Таким образом, планы Цулы по ведению войны с императором были нарушены.

Георгий Цула был опытным стратигом, и он понимал, что спасение для него только одно – устранить угрозу, созданную Мстиславом Тмутараканским до того, как императорское войско высадится у Херсона.

Задачу Георгий Цула решил просто.

Славяне шли вдоль берега моря. Горы, протянувшиеся вдоль побережья, ограничивали их маневр. Поэтому Цула поторопился занять самый узкий проход между морем и горами, который невозможно было обойти.

За два дня войско Цулы перегородило проход надежными заграждениями. Эти заграждения должны были задержать Мстислава на некоторое время. За это время поднимутся адыги, к которым Цула поспешил послать гонца.

Цула уверен был, что угроза с тыла вынудит Мстислава вернуться в Тмутаракань. После этого силы для войны с императором будут свободны.

Глава 20

Цула устроил свою ставку на холме в тылу своих войск, откуда хорошо была видна вся лежащая впереди местность.

Цулу разбудили на рассвете.

Выйдя из шатра, он увидел, как из утреннего сумрака вынырнули всадники; коснулись фронта его войск, но, наткнувшись на рвы и рогатки и, осыпанные стрелами, поняв, что с ходу взять укрепления не удастся, отпрянули.

Цула вернулся в шатер, где на него надели доспехи, после чего он снова вышел.

Тем временем из-за гор появилась колонна славянских войск. Она была похожа на огромного многоцветного удава. Не дойдя до заграждений, колонна начала набухать, точно река перед плотиной.

На холм прибыли командиры отрядов. Цула отдал им необходимые указания, сел в кресло и стал ждать. Дальнейший ход событий от него зависел мало.

Рядом выстроились бояре из тех, чьи отряды стояли в резерве, либо те, которые не возглавляли отдельных отрядов – они использовались для передачи важных сообщений и выполнения поручений.

На перестроение войск в штурмовые колонны требовалось время. Цула вспомнил, что он еще не завтракал, и приказал подать ему завтрак.

Завтрак подали ему легкий: заяц, сначала отваренный, затем поджаренный в печи, затем нафаршированный копчеными свиными колбасками и под соусом из перца, чабера, репчатого лука, гулявника, семян сельдерея, гарума, вина и оливкового масла; сырые перепелиные яйца, придающие остроту ума. Также были поданы белый хлеб, медовые лепешки, сыр, мёд, оливки.

Из напитков – только подслащенная медом вода. Глупо употреблять туманящее рассудок вино перед битвой.

Цула ел немного. Для начала выпил дюжину перепелиных яиц. Затем отрезал кусочек зайчатины.

Было тихо, словно перед грозой. Тишину разрывали лишь доносящиеся со стороны славян крики людей и ржание лошадей. Но всё перекрывал крик чаек. Они стонали, словно обреченный на вечную муку, прикованный к скале Прометей, у которого безжалостный стервятник выклевывал печень.

Чайки точно пророчили недоброе.

А славянское войско перестраивалось с удивительной быстротой.

Тусклое солнце не успело оторваться от горизонта, как шум сменился воинственной музыкой, заглушившей ржание лошадей, крики людей и стоны чаек.

Вскоре на позиции херсонцев двинулась стена.

Цула взял сладкую лепешку, но, внимательно всматриваясь в ряды славян, не спешил ее пробовать. Казалось, он забыл, что в его руках лепешка.

Внезапно со стороны славян взлетела темная и огромная, словно многомиллионный пчелиный рой, туча, а через секунду до ушей Цулы донесся жуткий свистящий вой.

Не успела туча опуститься на позиции херсонцев, как из рядов славян вылетела новая туча.

Цула настороженно приподнялся.

В укрытиях стрелы не страшны. Но тот, кто пытался выглянуть из укрытий, тут же падал, пораженный стрелой. Между тем славяне, пользуясь тем, что херсонцы не отвечали, медленно, но неотвратимо приближались к укреплениям.

Цула почувствовал, как к его сердцу откуда-то из глубины тела подкатил ледяной страх: он уже понял, что если славяне приблизятся к укреплениям вплотную, то их штурм остановить будет почти невозможно.

Цула раздраженно отбросил лепешку и подал знак:

– Ко мне!

К нему сразу подошли несколько бояр. Цула указал пальцем на одного из них и приказал:

– Скачи к заграждениям и передай, чтобы не допускали близко славян. Пусть стреляют по ним чаще. Во что бы то ни стало надо сорвать штурм.

Боярин сказал:

– Выполняю!

Он опрометью метнулся к коню, и через секунду конь неся с холма в ареале брызг из воды и грязи.

Цула взглянул на командира резервного полка:

– Если славяне ворвутся на заграждения, будь готов идти им на помощь.

Он сел в кресло и пояснил:

– Славяне обычно стараются сломить противника первым натиском. Если им это не удастся, то они начнут готовиться к более основательному штурму. Для такого штурма у них сил маловато. Значит, им придется дожидаться помощи. Нам это и надо – время работает на нас.

– А если они всё же прорвутся? – задал вопрос командир резервного полка.

– Вот этого нельзя допустить, – сказал Цула.

Гонец домчался до передовой линии херсонских войск, и через мгновение оттуда взметнулся в сторону славян поток стрел.

Цула видел, как штурмующая колонна замедлила ход, прикрываясь щитами.

– Да, с щитами над головой не больно быстро побежишь, – с сарказмом заметил Цула.

Пока щиты отражали поток стрел сверху, херсонцы пустили следующий поток, но уже понижу, так чтобы поражать незащищенные части тел.

Славяне не успели укрыться.

Они попытались укрыться щитами от этой напасти, но следующий поток стрел обрушился на них сверху.

Множество славян упало. В их рядах началось замешательство, затем они бросились назад.

– Ну вот и всё! Мы победили! – с нескрываемым удовольствием проговорил Цула. – Теперь можно и вернуться к завтраку.

Почувствовав, что опасность миновала, расслабились и остальные. Послышался смех и шутки.

Цула объявил:

– Господа, приглашаю всех присоединиться к моему обеду.

Цула взял фаршированную колбаску и принялся неторопливо и с удовольствием лакомиться ею.

– Война – лучший способ возбудить аппетит! – заметил Цула, доедая колбаску.

Придворные дружно рассмеялись.

Цула вытер замасленные пальцы платком и поднялся.

– Господа! – объявил он. – Не расслабляйтесь! Славяне известны своей непредсказуемостью. Поэтому последите, чтобы они вели себя хорошо. А я устал. Я немного вздремну. Если славяне опять пойдут на штурм – разбудите меня.

Цула зашел в шатер и приказал слугам снять с него доспехи.

Освободившись от доспехов, он лег на кровать и закрыл глаза. Однако, хотя в теле и чувствовалась усталость, сон не шел. Цула ощущал смутную тревогу.

Он никак не мог понять, с чем она связана. Война шла по его плану.

Мстислав известен ему давно. Он был молод, здоров, энергичен. Но он никогда не имел опыта больших боевых действий. А это для стратега было существенным недостатком. Оттого Мстислав и совершал заурядные ошибки, которые опытный стратег не допустил.

На месте Мстислава Цула послал бы часть войск по степи севернее гор, чтобы ударить с тыла. Цула опасался этого, но разведчики докладывали, что Мстислав и не подумал так сделать.

Понятно – он не хотел распылять и так немногочисленное войско. Но в таком случае и штурм укреплений с налета был совсем неудачным решением.

Цула подумал, что объяснением всему было то, что у Мстислава была психология обычного разбойника, а не стратега.

«Разбойник может выиграть сражение, но войну ему никогда не выиграть», – философски подумал Цула.

Однако тревога не исчезла.

Чтобы заглушить тревогу, Цула принялся размышлять о плане дальнейшей войны.

Ход дальнейших событий ему был ясен, и они сулили ему удачу – Цула не сомневался, что, нейтрализовав славян, он сумеет разбить присланные императором войска.

Воинское дело не терпит промедления. На войне побеждает тот, кто владеет инициативой. На войне даже неверное решение, но принятое быстро и исполненное решительно, оборачивается победой.

Ромеи стыдливо не любили вспоминать, что карфагенянин Ганнибал считается одним из величайших военных стратегов, равным Александру Македонскому, Юлию Цезарю, Пирру Эпирскому.

Цула тщательно изучал опыт Ганнибаловой войны, называемой ромеями Второй Пунической войной.

Ганнибал выступил в поход на Рим из Нового Карфагена во главе армии из 50 тысяч пехотинцев и 9 тысяч всадников, что было явно недостаточно для большой войны.

По пути карфагеняне встретили сопротивление местных племен, но Ганнибал щедро одарил вождей и получил от них разрешение беспрепятственно пройти мимо Русцинона.

К концу августа Ганнибал вышел к берегам Роны.

Тем временем консул Публий Корнелий Сципион, возглавивший римское войско, продвигался в Испанию вдоль побережья.

После переправы через Рону Ганнибал отправил в разведку отряд нумидийских всадников. Нумидийцы встретились с разведкой римских всадников и вступили с ними в бой. В стычке победили римляне, а нумидийцы были вынуждены отступить.

Публий Сципион, расположившийся лагерем в долине реки Кро, получив сведения о противнике, двинулся навстречу ему.

Ганнибал, зная, что его войско значительно уступало силам пунийцев, а потому в открытом сражении он обречен на поражение, отступил вверх по левому берегу Роны.

Публий Сципион вместо того, чтобы нагнать противника и решительно покончить с ним, оставил заслон, а сам с одной частью армии отправился в долину реки По, чтобы организовать там оборону, другую часть направил в Испанию.

Это была серьезная ошибка.

Ганнибал в несколько дней дошел до Альп и произнес перед войском знаменитую речь: «Теперь вы одолеваете... стены не Италии только, но и Рима. Отныне всё пойдет как по ровному, отлогому склону; одна или, много, две битвы отдадут в наши руки, под нашу власть крепость и столицу Италии».

Через две недели он пересек Альпы. У него осталось 20 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников.

Появление Ганнибала в Италии стало большой неожиданностью для римлян.

Сципион поторопился перейти реку По и направиться навстречу Ганнибалу. Уже не надеясь на него, Рим вызвал из Лилибея в Сицилии второго консула Тиберия Семпрония Лонга.

Ганнибал, понимая, что с объединенной римской армией ему не справиться, решил бить их по частям.

Он стремительно двинул конницу навстречу Сципиону. Конница столкнулась с римлянами у северного берега реки По, между реками Сессией и Тицин.

Нумидийцы зашли в тыл римской конницы и вынудили ее бежать. Сципион быстро отступил к Плаценции. Поражение повлекло за собой бунт галлов, которые перешли на сторону Ганнибала.

Потом Ганнибал занялся армией Тиберия Семпрония Лонга.

Сципион считал, что не нужно торопить события, так как время работает на римлян.

Тиберий Семпроний Лонг рвался в бой, надеясь разгромить Ганнибала до окончания его консульских полномочий.

Не найдя у Лонга поддержки, Сципион притворился больным, и Тиберий Семпроний Лонг фактически стал единоличным командующим.

Ганнибал же не стоял на месте. Он спровоцировал Тиберия Лонга переправиться через Треббию.

Это была очередная серьезная ошибка римлян. Ганнибал решительно напал на них.

Исход ожесточенного сражения предрешил атаковавший тыл римлян из засады конный отряд под командованием Магона.

Битва закончилась сокрушительным поражением римлян.

В голову Георгию Цула пришла парадоксальная мысль: Ганнибал выигрывал сражения, но войны проигрывал.

Но Цула был другим.

Ему было известно, что войско, высланное против него, возглавит Андроник.

Андроника Цула хорошо знал. Знал его сильные и слабые стороны как полководца.

Андроник был хитроумен, как и подобает настоящему ромею. Но он хитроумен, как дипломат. Дипломат более склонен был выжидать, чем действовать. И это была слабая сторона дипломата, поставленного во главе войска.

Пока Андроник будет бездействовать, Цула поднимет против ромеев весь мир...

Цула уверен был, что время будет работать на него, как во время Пунических войн оно работало на римлян.

От мыслей Георгия Цулу оторвал непонятный шум у входа в шатер.

– Что там? – хлопнул в ладоши Цула.

Ему никто не ответил, хотя там должны были быть слуги и охрана. Удивленный этим, Цула поднялся с постели и вышел из шатра.

Он и опомниться не успел, как его схватили за руки, затем обмотали веревкой так туго, что он с трудом мог дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.